

ЭМИЛИ РОДДА
Роуэн из Рина

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

«АЗБУКА-КЛАССИКА»

Эмили Родда — самая популярная детская писательница Австралии и автор мирового бестселлера «Волшебный пояс Тилоары». Ее роман «Роуэн из Рина» признан в Австралии лучшей книгой года, которую с увлечением читают не только дети, но и их родители.

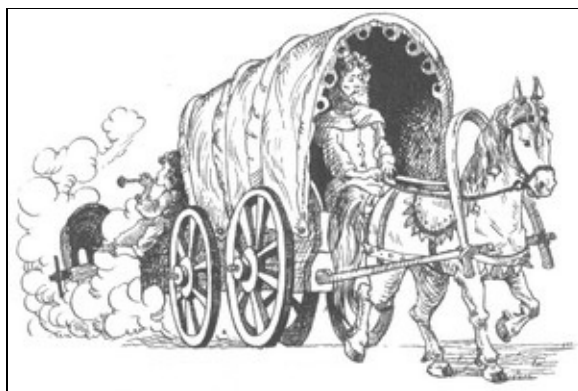
Таинственные предсказания колдуньи Шебы — вот и все, что есть у Роуэна, чтобы спасти свой народ. Трудно доказать людям, что ты чего-то стоишь. Особенно если для всех ты слабак, который боится собственной тени. Но приходит час, и беда сама выбирает героя, который справится с ней: к всеобщему изумлению, только недотепа Роуэну оказываются по плечу все испытания. Чтобы спасти младшую сестренку, родную деревню Рин, свой народ и милое его сердцу стадо букшахов, Роуэн учится побеждать не только врагов, но в первую очередь свои страх и слабость.

- [Эмили Родда](#)
 -
 - [1. Добрая весть, дурная весть](#)
 - [2. Опускается ночь](#)
 - [3. Предвестники](#)
 - [4. Стихотворение](#)
 - [5. Разлад](#)
 - [6. Золотая долина](#)
 - [7. Рассказ Аллуна](#)
 - [8. Лютики](#)
 - [9. Беда](#)
 - [10. Тайный враг](#)
 - [11. Измена](#)
 - [12. Колесо начинает вертеться](#)
 - [13. Призыв](#)
 - [14. Гром среди ясного неба](#)
 - [15. Тьма и свет](#)
 - [16. Наваждение](#)
 - [17. Спасены](#)
 - [18. «Когда ж он покажется...»](#)
 - [19. Скорей!](#)
 - [20. Конец и снова начало](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Эмили Родда
«Роуэн и бродники»

1. Добрая весть, дурная весть

«Бродники идут! Бродники идут!»

Новость быстро разнеслась по деревне Рин. Это кричали дети, их голоса звенели в долине и эхом отражались от Горы, что возвышалась над ней. Они неслись вниз с холмов — мимо луга, где паслись букшахи, мимо сада, напрямик на деревенскую площадь.

Над холмами уже видели предвестников — три их шелковых воздушных змея задорно блестели на синем небе. Значит, и лошади, и повозки, и веселый шумный народ были уже рядом.

Бродники идут, а значит, наступает время игр, плясок, веселых рассказов и чудесных товаров, которыми они торгуют. Скоро среди желтых лютиков на холмах люди бродячего племени раскинут свои яркие, точно диковинные бабочки, палатки. Ночью от пламени костров станет совсем светло и по всей долине зазвенит музыка. Они останутся здесь на неделю, на две, а может, и дольше, и для деревенских ребятишек каждый день будет праздником.

* * *

«Бродники идут!»

Пастушок Роуэн услышал этот крик, когда стоял на берегу озера, где пили воду его букшахи, и смотрел, как из кокона на ветке на свет появлялась бабочка. Но этому известию он не очень-то удивился.

Много раньше, чем ребятишки увидели в небе предвестников, он заметил, как его букшахи то и дело поднимают головы и смотрят в сторону холмов. Огромные звери прислушивались к чему-то, чего он пока не слышал.

— Что, бродники идут? — спросил он у Звездочки, самой любимой из всех букшахов. — Ты ведь уже слышишь, как играют их дудки, правда?

Она стояла, подняв голову, и смотрела вдаль, на холмы.

— В этом году мы их не ждали, — продолжал Роуэн, — но сейчас как раз время. В Реке у головастиков вырастают лапы, и они становятся лягушками. Гусеницы превращаются в бабочек. Лютики уже расцвели.

Он принялся:

— Я-то точно знаю. От их пыльцы у меня из носа бежит вода.

Звездочка глухо заворчала и начала беспокойно топтаться на месте.

— Болит что-нибудь? — спросил ее Роуэн, тихонько поглаживая шелковистую шерсть

на шее. — Или волнуешься? Вроде ведь все в порядке.

Он озадаченно посмотрел на Звездочку. В последнее время букшахи вели себя не так, как всегда, а из-за чего, Роуэн никак не мог понять. Он, как всегда, очень хорошо ухаживал за ними. И не похоже было, что они чем-то заболели. И все-таки вот уже много дней, как стадо ходило понурым и тревожно мычало.

— Вроде ведь все в порядке, Звездочка, — повторил он.

Но Звездочка рыла копытом землю, отталкивала его руку своей тяжелой головой и, казалось, вовсе не хотела, чтобы ее успокаивали.

* * *

«Бродники идут!»

Силач Джон как раз работал в саду. Он услышал этот крик и удивился новости. Бродники были в Рине всего год назад. Он не ожидал увидеть их так скоро. И он, конечно, обрадовался, ведь бродники приносили с собой пчел.

Значит, скоро они соберут пыльцу с цветущих садовых деревьев. Соты наполнятся густым золотым медом, который бродники едят сами и продают желающим.

А ведь пчелы трудятся не только на бродников — они работают и на Силача Джона. Перелетая от цветка к цветку, они разносят легкую пыльцу, а потом, когда опадут цветы, на деревьях начнут зреть сочные плоды. Когда наступит осень, Силач Джон скажет пчелам бродников «спасибо»: на его деревьях поспеет знатный урожай.

Поэтому Силач Джон и улыбнулся, заслышав крики детей. Но он знал, что не все жители деревни будут так же радоваться, как он. Для кого-то это дурная весть.

* * *

«Бродники идут!»

Бронден — та, что делала столы, полки, скамейки и всякую деревянную утварь для дома, — услышала этот крик, нахмурилась и недовольно забарабанила пальцами по гладкой поверхности столешницы, которую как раз обтесывала.

— Какие бродники?! Лютики! — буркнула она себе под нос, с досады пнув носом башмака гору опилок на полу. — Никчемные, ленивые, пустые лютики!

Она провела ладонью по лбу. И так никаких сил нет. Ну просто никаких. А эта новость ее совсем доконала.

Бродники ставили с ног на голову всю деревенскую жизнь. Им не было дела до правил, порядка, работы изо дня в день. У них самих не было ни настоящих домов, ни серьезных занятий, ни понятных устремлений. Поэтому Бронден и те, кто думал так же, как она, презрительно называли бродников лютиками. Она их терпеть не могла. Они ее просто бесили.

* * *

«Бродники идут!»

В маленьком домике грустно вздохнул, склонившись над книгой, учитель Тимон. Как только бродники разобьют у деревни свой лагерь, дети под Школьным Деревом тут же начнут беспокойно ерзать и перешептываться.

Из карманов у них будут торчать игрушки и разные соблазнительные штучки, которые вымениваются или покупаются у людей бродячего племени. Все рты будут жевать медовые тянучки. Во всех головах будут только сказки и легенды, что рассказывают бродники у ночного костра.

«И все-таки, — думал Тимон, откинувшись на спинку стула и заложив руки за голову, — это хорошо, что они идут. Уж очень длинная и трудная выдалась зима. Дети порядком устали, пусть немного развлекутся. Бродники поднимут им настроение».

Он улыбнулся и вспомнил, как сам мальчишкой заворуженно слушал их рассказы. И про Золотую долину, и про великанов Инспрея, и про волшебный кристалл, и про провал Унрин, да мало ли про что еще. Так, если они нравились в свое время ему, что же плохого в том, что их любят и теперешние дети?

Тимон призадумался. Может, ему самому на этот раз сходить к бродникам? Послушать их сказки. Купить пригоршню медовых конфет — давненько он их не пробовал.

Тимон прикрыл глаза и улыбнулся сам себе. У него уже потекли слюнки.

* * *

«Бродники идут!»

Хлебопек Аллун замешивал тесто в своей уютной кухне.

— Слышала новость, мать? — крикнул он через плечо. — Отцовское племя идет. Так что брось-ка свои разговорчики о том, что стареешь, а лучше доставай самые нарядные платья.

Сара медленно вышла из лавки, вытирая руки о фартук.

— Какие уж тут платья, Аллун, все-то ты шутишь, — ответила она с усталой улыбкой. — А вот тебе и вправду надо подготовиться. Ведь у нас есть что рассказать бродникам. Не хуже их сказок. Наши друзья захотят послушать, как вы ходили на Гору. И ты, и Джон, и...

— И самый главный — Роуэн, — рассмеялся Аллун. — Но ведь он такой застенчивый, из него и слова не вытянуть. Значит, мне придется отдуваться за него. Да кому же еще удивлять бродников — я ведь сам наполовину бродник!

Сара потрогала скрученный в жгут шелковый платок, который она никогда не снимала с шеи. Такие платки надевали все бродники в день своей свадьбы.

Давным-давно, когда Сара была еще совсем молодой, она ушла из Рина вместе с мужем-бродником. Но ее безоблачное счастье закончилось в тот день, когда он погиб в бою с племенем зибак в Великой Равнинной войне. Как только наступил мир, она вместе с Аллуном, совсем еще мальчишкой, вернулась в свой родной Рин.

Сара радовалась, что снова оказалась дома. Но она знала, что ее сыну, наполовину броднику, частенько здесь будет несладко.

Он очутился словно между двух миров: свободной, беспечной жизнью бродников, племени отца, и размеренным спокойствием, царящим в деревне матери. У Сары

разрывалось сердце, когда она видела, чего стоит ее сыну завоевать доверие жителей Рина. Они презирали бродников и не слишком доверяли им, а те, в свою очередь, платили ринцам той же монетой.

Она была против, когда осенью вместе с шестью другими жителями деревни Аллун отправился на Запретную Гору. Тогда она очень боялась за него. А сейчас — радовалась, что он решился на это. В походе он понял, что не слабее тех, что слыли в деревне самыми храбрыми. И те, кто вечно его ругал, тоже поняли это.

И еще: из того восхождения Аллун принес кое-что очень ценное. Похоже было, что теперь деревня станет наконец богатой. Все поняли, что он тоже достоин уважения. И от этого ему стало очень спокойно. Никто больше не смел обидеть его.

— Что это они так быстро вернулись? — подумал вслух Аллун. Его веселое лицо стало задумчивым. — Многим в нашей деревне это не понравится.

Сара молча смотрела на сына, который снова принялся за работу. Она слышала, как звенят в долине детские голоса. И вдруг ей впервые стало страшно. А правда, почему бродники так быстро вернулись? Почему?

2. Опускается ночь

Заслышав крики ребятишек, Бри и Хана тут же отставили в сторону свои мотыги. Для них это была дурная весть.

— Не может быть! — воскликнула Хана, повернувшись к мужу и стирая пот со лба. — Они никогда не приходили два года подряд.

И Бри, и Хана, и те работники, что до них трудились на огородах, терпеть не могли это время. Молодой горох, свежая зелень, сочный редис как по волшебству начинали исчезать, едва только приходили бродники.

Другие жители Рина — например, Силач Джон или хлебопек Аллун — только посмеивались над сетованиями огородников. Даже если это и так, если овощи и перебирались непонятным образом в котлы бродников, то беда в этом небольшая, ведь бродники торговали очень нужным в деревне товаром и приносили с собой море веселья.

Бри в раздражении плюнул на землю. Может, хотя бы на этот раз у жителей Рина хватит ума запеть по-другому. Даже у Аллуна, который сам наполовину бродник. Ведь это он принес в долину семена нового растения.

Бри взглянул на молодые кусты горной ягоды, что разрослись уже на полсада. Из всех сил они тянули к солнцу свои маленькие глянцевые листья, а их побеги устремлялись все дальше и дальше по бурой земле. На ветках краснели душистые цветы, а кое-где уже наливались соком небольшие ягоды.

Что за крепкий упрямый куст, который может и цвести, и плодоносить в одно и то же время! Точно, эта горная ягода очень-очень ценная, и Бри не собирался делиться ею с чужаками. Он с ужасом представил себе, как бродники пробираются ночью в сад и обдирают его ненаглядные кусты...

— Ворюги проклятые! — взорвался он. — Они не должны узнать про эту ягоду, Хана. Ты слышишь — не должны!

Она кивнула.

— Соберем сход, — предложила она. — Пусть все знают, чего мы боимся. Никто и слова против не скажет. Ну а мы будем как следует охранять сады и огороды.

— Ну охранял я их в прошлом году, — буркнул Бри, — а толку-то?

— В прошлом году ты проспал, Бри.

— Это они наслали на меня сон! Они! — Бри, красный от смущения, отвернулся и стал смотреть на холмы.

— Что ты мелешь-то! — оборвала его Хана. — Сон на него наслали! Сейчас, что ли, придумал? Только от горшечника Нила можно услышать такой детский лепет.

Бри как-то сразу ссутулился.

— Ладно, давай созывать сход, — проворчал он. — Иди, Хана, умойся. Времени у нас мало.

Хана промолчала. Постояв немного, Бри подобрал мотыги и медленно пошел к сараю.

Хана потерла глаза. Как-то разом, вдруг на нее навалилась сильная усталость. Ей хотелось только одного — хоть на минуту прилечь и отдохнуть. «Совсем нет сил, — подумала она. — Работаешь, работаешь, каждый день одно и то же. А теперь еще и это...»

Она посмотрела на мужа. Он уже отнес мотыги в сарай и теперь не спеша его закрывал. Ах, бедолага Бри. И что это она на него набросилась? И бродники эти так некстати.

Никакого покоя. Что ж, они будут держаться вместе, авось обойдется.

Если все пойдет хорошо, на следующий год они соберут большой урожай горной ягоды. Тогда они и отдохнут, а Рин запирует. И продать ее можно будет выгодно — никто ведь на побережье еще не пробовал этакой прелести. А значит, вся деревня, а вместе с ней Бри и Хана наконец-то разбогатеют.

Если все пойдет хорошо...

* * *

На деревенской площади звенел колокол. Роуэн услышал его с луга, где пас букшахов.

— На сход зовут, Звездочка, — сказал он. — Мне надо идти. Ты уж присмотри за стадом, пока меня не будет.

Звездочка тяжело вздохнула и, подняв голову, посмотрела на холмы.

— О бродниках будут говорить, это точно, — продолжал он. — Силач Джон им обрадуется. Аллун тоже. Да и Марли — бродники меняют свои шелка на ее теплые ткани. Бронден рассердится. А вот Бри и Хана просто взбесятся — бродники ведь всегда таскают что-нибудь из сада и огорода.

Он смущенно улыбнулся. Когда Бри и Хана не видели, он и сам, бывало, идя на луг к своим букшам, перелезал через забор и срывал горсть гороха. Могучие букшахи почему-то очень любят молодой горох.

Но тут Роуэн вспомнил про горную ягоду, и яркий день для него померк. Если только про нее узнают бродники...

Звездочка беспокойно топталась на месте. Роуэн забыл о своих печалях и озабоченно потрепал ее по загривку.

— Успокойся, — сказал он ей. — Нечего тебе бояться.

Звездочка взглянула на мальчика своими небольшими черными глазами и тихонько его толкнула. Она как будто хотела что-то сказать. А он почувствовал, как под густой шерстью ее пробирает дрожь.

Роуэн вздохнул. Рядом с ним, на ветке, бабочка наконец расправила свои крылья и куда-то полетела, оставив после себя пустой кокон. Прохладный ветерок шевелил волосы пастушка и доносил с лугов запах лютиков. Из носа снова потекло, и глаза зачесались.

А колокол в деревне все звонил и звонил.

* * *

Скрючившись в своем домишке у очага, Шеба сквозь сон слышала, как звонит колокол. Она тут же проснулась, наклонилась и подбросила сухих веток в огонь. Пламя запылало ярче.

— Сход, что ли? Вот дураки-то! — проворчала она, глядя на картинки, которые рисовало пламя. — Дураки... будут болтать теперь до ночи.

Она сжала голову руками. Ужасные слова, которые столько дней бились в ее голове, снова и снова приходили ей на память, без конца и без смысла.

А со словами опять и опять являлись странные видения...

На голубом небе три воздушных змея: желтый, красный и белый. Бледное знакомое лицо мальчика — Роуэна, пастуха букшахов. Золотая сова с исполненными мудрости блестящими зелеными глазами пристально смотрит на нее. Она велит ей что-то понять...

Виделось много чего еще — картины то освещались вспышками яркого света, то сразу пропадали в черной пустоте. Зброшенные луга без букшахов. Деревня Рин, в которой царит мертвое спокойствие. И самое страшное — куча старых тряпок и космы седых волос у холодного очага. Это она сама беспомощно лежит в этой вот комнате. А тем временем враг...

Шеба с трудом поднялась на ноги. Спи не спи — все равно не отвяжутся. Сухие ветки все разгорались, от них во все стороны летели искры. Она отвернулась от огня.

И вдруг она поняла, как ей быть. Надо заняться своим делом. Надо уйти отсюда, где ее преследуют кошмары. Надо идти на холмы собирать травы — там цветут лютики и веет свежий ветер. Вот тогда, наверное, она сможет как следует собраться с мыслями.

Когда Шеба, шаркая ногами, выбралась из дома, колокол уже перестал звонить. Жители Рина собрались на площади.

— Эх, дураки! — зло выругалась она и пошла своей дорогой.

3. Предвестники

— Добро пожаловать, друзья!

Звонкий голос Силача Джона прокатился по холмам. Он, Марли, что ткала и красила ткани, и хлебопек Аллун, прикрывая руками глаза от солнца, увидели, как трое предвестников подняли руки и помахали им в ответ. Роуэн, стоя рядом со взрослыми, заметил — летевший в середине приложил что-то к губам.

Куда бы ни направлялись бродники, предвестники всегда опережали их, чтобы разузнать, нет ли какой опасности, и подудеть в свои крошечные камышовые дудочки, давая знак, можно ли двигаться дальше или лучше подождать. Для обычного уха звук этих дудочек был слишком высок, и только бродники, слышавшие его уже много веков, могли его различить. Бродники и, как обнаружил Роуэн, букшахи.

Наверное, слышали этот звук и другие животные. Роуэн этого не знал. И вообще, чем старше он становился, тем понятнее ему было, как мало, оказывается, он знает о той земле, что лежит за деревней Рин.

Бродники уже давно исходили эту землю вдоль и поперек. Они изучили ее, как самих себя. Они стали ее частью, как деревья, камни, птицы и букшахи. Некоторым легендам, что рассказывал вождь бродников Огден, была не одна тысяча лет.

Жители Рина, наоборот, здесь появились недавно. Не прошло и трех веков с тех пор, как их предков, захваченных в рабство, привезли на этот берег воинственные зибак. Тогда они восстали против своих угнетателей, объединились с водяным народом и бродниками и ушли далеко вглубь страны, где нашлась долина, которая стала им домом.

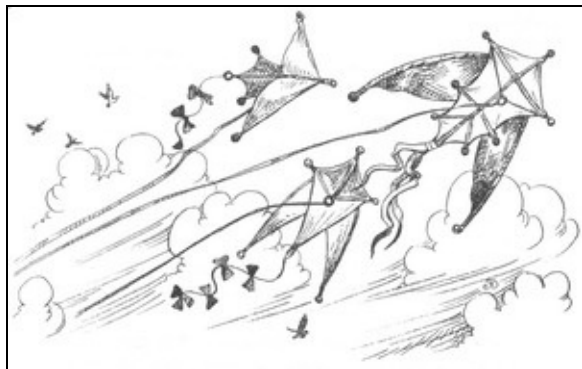
Для водяного народа триста лет — это совсем немного, а для бродников и вовсе ничто: они считали, что их племя кочевало по этим местам всегда, от самого начала времен.

«И я здесь не новичок, — спокойно подумал Роуэн, глядя сверху на Рин, на его ладные дома и ухоженные сады, извилистую Реку, коричнево-зеленое лоскутное одеяло лугов и полей, на букшахов, которые бродили по холмам. — Это мой дом, и никакой другой мне не нужен».

— Теперь уже скоро, — сказал Силач Джон Аллуну и Марли.

Он наклонился и сорвал листик лютика. Роуэн знал, что этот листик — знак приветствия. Листики лютиков, наподобие клеверных, состояли из трех лепестков. В знак дружбы ими обменивались бродники, водяной народ и жители Рина.

Предвестники снизились — их босые ноги почти касались травы и цветов. Три воздушных змея — желтый, красный и белый — трепетали и хлопали на ветру, будто рвались умчаться в небо, но умелые смуглые руки крепко держали веревки, сплетенные из тонкого шелка.

Роуэн просто умирал от любопытства. Никогда еще он так близко не видел предвестников. Взрослые жители Рина, которые выходили им навстречу, раньше никогда не брали с собой детей. Но на этот раз всем хотелось побыстрее узнать новости. На сходе было решено сначала расспросить бродников, почему они так скоро появились в этих краях, а потом уж придумать, как сохранить от них горную ягоду. Роуэн должен был со всех ног бежать в деревню и сообщить ее жителям, что удалось разузнать у предвестников.

— Об одном жалею, — сказал Аллун, глядя на ярких змеев, — рано мать увела меня из племени, и я не успел подрасти и выучиться на предвестника.

— А тебе что, хотелось, Аллун? — удивленно спросил его Силач Джон. — Я знаю, это почетно. Но ведь это очень опасное занятие.

Аллун смущенно улыбнулся:

— Да, ты прав. Предвестники первыми встречают плохое, и их никто не защищает, ведь племя далеко, оно в безопасности. Это их работа. Но зато они летают на воздушных змеях! Подумай только, летают на воздушных змеях! Да это мечта любого маленького бродника!

Пока они говорили, полет предвестников подошел к концу. Они разом приземлились на пригорок и притянули к себе воздушных змеев, которые сами собой сложились в узкие шелковые кульки.

Предвестники неторопливо подобрали их и подошли поздороваться к ринцам.

Силач Джон протянул им листик лютика и сказал:

— Добро пожаловать, друзья!

Роуэн с восхищением смотрел на предвестников. Они стояли перед ним босоногие, в ярких шелковых одеждах. Темные кудри с вплетенными в них цветами, перьями и лентами волнами спускались на плечи. Два мальчика и одна девочка, чуть постарше его.

Мальчики были узкие в кости и худощавые, как Аллун. Темными глазами из-под косо посаженных бровей они внимательно разглядывали Силача Джона. Девочка была покрупнее, ростом почти с Марли. Брови у нее были совсем прямые, а глаза — вот чудо — светло-голубые. Она выступила вперед и приняла листик от Силача Джона.

— Меня зовут Зеел. Я приемная дочь сказочника Огдена. Бродники благодарят вас за радушный прием, друзья, — сказала она с достоинством. — Наш лагерь будет стоять здесь до тех пор, пока вам это будет удобно, и каждый вечер, после захода солнца, мы будем рады видеть вас у себя.

Роуэн знал, что эти слова всегда говорят при встрече. Они ничего не значили. Бродники останавливались только там, где хотели. Один раз зиаки попробовали им помешать. Да и то, если верить преданиям, сильно пожалели об этом.

Ему не терпелось увидеть, что будет дальше.

— Можем мы узнать, что так скоро привело вас обратно? — заговорил Силач Джон. — Еще никогда не бывало, чтобы бродники приходили в Рин два года подряд.

Светло-голубые глаза девочки внимательно разглядывали его.

— Ничего особенного, — сказала предвестница Зеел. — Захотелось, вот и пришли.

— Мы подумали, что вам нужна какая-нибудь еда или товар, — настойчиво сказал Силач Джон. — Зима ведь была нелегкой.

— Да, — согласилась девочка. — Мы всегда рады торговать с вами — вы ведь друзья. Но и еды, и товара нам нужно не больше обычного.

— А может, вы принесли с побережья новости? — спросила Марли. — Может, на нас вновь поднимается враг? Вы пришли, чтобы нас предупредить?

Роуэн внимательно смотрел на Зеел. Казалось, в ее глазах сверкнул какой-то огонек. Но она покачала головой:

— Нет, у нас нет для вас новостей.

«Врет, — подумал Роуэн. — Чувствую, врет. Ну... или не хочет говорить правду».

На холме стало тихо. Предвестники спокойно смотрели на Силача Джона, Аллуна и Марли. Видно, больше им нечего было сказать.

— Что ж, ладно, — проговорил наконец Силач Джон и обернулся к мальчику. — Дуй в деревню, Роуэн, и передай людям то, что сказали наши друзья. Им ничего от нас не нужно. Они пришли к нам просто так.

По голосу Силача Джона было ясно, что и он заметил, будто Зеел что-то недоговаривает. Но мальчик был уверен — предвестники тоже сообразили, что им не удалось обвести вокруг пальца вышедших встретить их людей, недаром они обменялись друг с другом многозначительными взглядами.

Роуэн не стал больше медлить, но на бегу то и дело оглядывался назад, в сторону холмов. Он знал, что люди на площади с нетерпением ждут вестей. Ничего определенного он им сообщить не мог, но тем не менее нельзя было заставлять их томиться в неизвестности. А потом ему хотелось поскорее вернуться к букшам.

С вершины холма он видел, как букшахи куда-то бредут вдоль Реки, уходя от деревни все дальше. Наверное, опять сломали забор. Нельзя, чтобы они успели далеко уйти. Даже сейчас ему придется долго гнать их обратно на луг.

От быстрого бега он совсем запыхался. Сердито вытерев нос, из которого текло ручьем, и почесав глаза, он в тысячный раз пожалел, что не родился таким же выносливым, как другие деревенские ребята.

Роуэн вспоминал об этом каждый раз, когда Джиллер, его мама, тяжело ступала за плугом по борозде. Он злился на себя, когда она сгибалась под непосильной тяжестью мешка с зерном. Ведь вырос же он и может, наверное, делать какую-нибудь мужскую работу! Но когда он сказал ей об этом, она лишь улыбнулась.

— Не беспокойся за меня, Роуэн, — сказала она. — Скоро ты вырастешь и тогда выйдешь в поле вместо меня. А сейчас пока помогай мне как-нибудь по-другому. Тебе этого хватит, и мне тоже.

Желтые лютики качали своими головками, когда Роуэн пробежал по лугу. Огромным золотым облаком в воздухе стояла пыльца. Роуэн бежал и чихал. Глаза слезились так, что он почти ничего не видел.

Наморщив нос, он вынул из кармана маленькую зеленую бутылочку и, задержав дыхание, отпил из нее. В рот полилось отвратительное зелье. Роуэн закашлялся, но все же заставил себя его проглотить.

Это было не лекарство, а сущая отравка. И хуже всего было то, что его варила Шеба. Он содрогнулся от отвращения, когда представил, как своими костлявыми пальцами она выдергивает из земли лютики, как потом кипятит из корней это пойло, как мешает палкой в горшке, в котором оно варится.

Он был уверен, что старуха злорадно хихикает, когда разливает по бутылкам свое варево. В деревне им не лечился никто, кроме Роуэна, и он уже давно подозревал, что Шеба нарочно для него сделала свое лекарство таким мерзопакостным. Это было бы в ее духе.

С облегчением Роуэн увидел, что впереди показались деревья. Скоро он выберется из этого цветочного облака, а там и лекарство подействует. И тогда — пусть не совсем — он

перестанет чихать и кашлять.

Добежав до деревьев, Роуэн перешел на шаг. После яркого света глаза почти ничего не видели, поэтому он не сразу заметил, как впереди появилась какая-то тень и преградила ему дорогу. Роуэн не успел увернуться — ледяные пальцы уже держали его за плечо, заставив остановиться.

От испуга и неожиданности Роуэн громко вскрикнул. Существо, которое оказалось у него на пути, захохотало. Оно смеялось жутко, зло. И очень знакомо...

Да, перед ним стояла Шеба.

4. Стихотворение

— Ну что, пастух букшахов, — поинтересовалась она, не ослабляя своей железной хватки, — куда бежим?

— В дедевно, — еле успел прогнусавить Роуэн. Из носа снова потекло, и он громко чихнул.

— Тебе, мальчик, нужно побольше пить моего отвара, — посоветовала старуха. — Из носа-то прямо ручей. — Она показала на увесистый мешок у себя за плечами. — Здесь у меня корень лютика. Я за ним ходила на холмы. Ох и тяжело нести! Вечером еще отвара сделаю. Ты рад? Ты благодарен старухе Шебе?

Роуэн молчал. Противный вкус лекарства до сих пор стоял во рту. Он посмотрел на мешок Шебы, заполненный до самого верха. Да здесь корня столько, что этого добра хватит на большой котел!

Пальцы Шебы снова впились в его плечо.

— Так что, ты мне благодарен? — повторила она свой вопрос.

Роуэн тупо кивнул. «Чего ей надо?» — только и успел подумать он.

Шеба приблизила к нему свое лицо. Кожа у нее была какая-то землистая, пахла пеплом и горькими травами. С плеч, точно жирная пакля, свисали седые космы.

— Зачем бродники так скоро вернулись в долину, пастушок Роуэн? — спросила она требовательно. — Уж ты-то должен знать! В моем видении только твое лицо можно разобрать, а все остальное непонятно. Что им здесь надо? Отвечай! Отвечай сейчас же! Может, это и будет разгадка.

— Они... они сказали, что просто так, — пискнул Роуэн, стараясь вырваться из рук колдуньи.

«Какое видение? Какая разгадка? О чем это она?»

Губы колдуньи разъехались, обнажив хищные желтые зубы.

— Врут!

Шеба смотрела на Роуэна. Глаза ее были глубокими, точно пропасть, и, казалось, прямо обжигали. Мальчик почувствовал, что у него закружилась голова. Но он никак не мог отвернуться от нее.

Наконец она кивнула.

— Да... — прошамкала она. — Это не ты, Роуэн, это они врут. — Она отпихнула его. — Значит, я ошиблась. Ты мне больше не нужен. Вон с моих глаз!

— А что случилось? — спросил, осмелев, Роуэн. Он боялся Шебы, но надо же было понять, что все это значит.

Она подобрала свой тяжелый мешок и с трудом зашагала дальше.

— Шеба, стой! — крикнул ей вслед Роуэн. — Откуда ты знаешь, что предвестники врут? Что, мы в опасности? Скажи мне, ну пожалуйста! Ты должна мне сказать!

Она резко повернулась и зло осклабилась.

— Я ничего тебе не должна, мальчишка! — вдруг разъярившись, прошипела она. — Кто ты такой, чтобы мне приказывать? Думаешь, если эти деревенские дураки вбили себе в башку, что ты храбрец, ты можешь указывать мне, что делать?

Вот еще! — Ее глаза сузились, превратившись в щелки. Ярость переполняла старуху, но Роуэн не мог сообразить, почему она вдруг так разозлилась. — Я-то знаю, кто ты есть, Роуэн

— пастух букшахов! — прошипела она. — Мальчишка-зайчишка! Слабак сопливый, собственной тени боишься! Матери помочь и то не в состоянии! И мне от тебя толку нет! И никому! Пошел вон отсюда, к своим букшам! Только и умеешь, что их пасти!

Роуэн отшатнулся, точно его ударили. Слова колдуньи попали в самую точку. Да, она была права. Что бы ни говорили люди, толку от него не было никакого. Лицо мальчика пылало. Он повернулся, желая убежать, только бы не слышать этого злобного голоса и не смотреть в это перекошенное лицо.

Но тут Роуэн увидел темную Гору, которая величественно высилась над Рином. Мальчик вспомнил, какой важный урок он на ней получил. Этого никогда в жизни не забудешь.

Он снова обернулся и крикнул колдунье:

— Только дураки не боятся, Шеба. Ты же сама это сказала, и это правда. Да, я не храбрец. Но если надо, я сумею победить страх. И я не боюсь тебя и спрашиваю тебя еще раз: откуда ты знаешь, что предвестники врут? Что за беду ты чуешь, Шеба?

Она внимательно на него посмотрела и медленно проговорила:

— Да, Гора хорошо тебя выучила.

Она посмотрела вверх, на зубчатые утесы, на которых под закатным солнцем блестел снег. Лицо ее больше не было злым. Такой Роуэн еще никогда ее не видел. Она боялась!

У Роуэна сердце ушло в пятки. Что же это могло быть такое ужасное, что даже Шеба не на шутку испугалась?

— Что это, Шеба? — крикнул он.

Она затрясла головой и беспомощно сказала:

— Не понимаю... Не понимаю... Знаю только то, что видела сама. Видение... Слова терзают меня днем и ночью. Враг снова здесь. Колесо крутится. А теперь... теперь...

— Что за видение? Что за слова? — не отставал от нее Роуэн. — Ну скажи!

Неожиданно у Шебы затряслись руки. Потом задрожало все тело, будто ее одолел сильнейший приступ лихорадки. В тени деревьев белки ее глаз злое свечение сверкали. Рот широко раскрылся.

Одним прыжком Роуэн приблизился к ней, схватил за руку и начал трясти что было сил.

— Говори! — кричал он. — Говори, Шеба!

И Шеба начала говорить:

Зло притаилось под красой,
Жди — повернется колесо.
Все та же гордость, и промах тот же,
Доспех бесценный забыть негоже.
В засаде прячется тайный враг,
Засел он во тьме — берегись, дурак!
День ото дня он сильнее и сильнее.
Когда ж он покажется средь людей,
Былое зло объявится вдруг,
Сомкнется навеки недобрый круг...^[1]

Но вот ее голос стал совсем тихим, потом послышался стон. Старуха качалась от слабости. Роуэн еле удержал ее, а то бы она упала. А его самого точно схватила за горло

ледяная рука.

Что же это такое? Слова Шебы крутились у него в голове, но он никак не мог сообразить, что они значат.

Предательство? Измена? Какое такое зло и где оно прячется? Но самое страшное даже не это. У Роуэна перехватило дыхание.

«В засаде прячется тайный враг...» В засаде прячется... тайный враг.

5. Разлад

Когда Роуэн в конце концов добрался до деревенской площади, его встретили сердитые взгляды.

— Ну и где же ты был, Роуэн? — спросила мама. — Сколько можно тебя ждать?!

— Сколько можно тебя ждать? — повторила за ней его младшая сестренка Аннад. Она прикрыла рот ладошками и внимательно смотрела на брата, дожидаясь, что он ответит.

— В роще... ну, в роще я встретил Шебу, — нехотя признался Роуэн. — И... ну, она меня задержала.

По толпе пробежал ропот. Шеба была нужна в деревне — она делала отвары, которыми лечила всякие болячки. Но многие считали ее ведьмой, и почти все недолюбливали за скверный характер и несдержанный язык.

— Что ей было надо? — спросил горшечник Нил.

— А тебе не все равно?! — властно остановила его старая Ланн. — Говори, какую новость ты принес с холмов. Да побыстрей! — Она стукнула палкой о землю.

Когда-то Ланн, самая старая женщина в деревне, была знаменитой воительницей. Теперь она ходила только с палкой, но не потеряла ни ясного ума, ни громкого голоса. А еще страшно не любила ждать.

Роуэн заколебался. Рассказывать ли, что он узнал от Шебы? Говорить ли, что ему показалось, будто предвестники все наврали Силачу Джону?

Он оглядел лица собравшихся. Кто-то тревожился, как горшечник Нил. Кто-то не верил в добрые намерения бродников, как Бронден, Бри и Хана. Кто-то переживал, как Солла, что пек и продавал сладкие булочки. А кому-то, как мельникам Вэл и Эллису, было просто любопытно.

Роуэн понимал, что выражение всех этих лиц изменится сразу же, как только люди услышат пророчество Шебы. Наверное, они испугаются или рассердятся. Стоит ли говорить?

— Ну?! — прогремела в тишине Бронден.

Роуэн решил, что не будет торопиться с рассказом и, когда ему представится такая возможность, сначала поделится своими страхами с мамой и Силачом Джоном. Вместе они придумают, как быть. Слова Шебы приводили в трепет, но может, это она опять шутила — просто так, чтобы попугать. Поэтому сейчас он пересказал только то, что ему было велено передать с холма.

— Предвестники сказали, что бродники пришли просто так, — сказал он, хлюпая носом. — Они сказали: «Захотели — вот и пришли».

Глаза Ланн недоверчиво сузились, но она промолчала.

Бронден презрительно хмыкнула:

— Ишь ты! «Захотели — вот и пришли». Это чтобы мы на них время тратили, а они тут пили-ели за просто так! Хорошее желание, ничего не скажешь!

— Сегодня после захода солнца они приглашают нас к себе. Можно ходить хоть каждый вечер, если хочется, — продолжил Роуэн.

У некоторых взрослых и у всех ребят на лицах заиграли улыбки.

Бронден нахмурилась.

— Ну во всяком случае моей ноги там не будет, — заявила она.

— Мы тоже не пойдем, — сказал Бри, недобро глядя на Роуэна, будто тот и заварил всю

эту кашу. — А кто все же захочет убить дорогое время в этом воровском вертепе, должен хорошенько запомнить, что мы решили. Ни слова бродникам о горной ягоде, понятно?

— Да наверняка они уже все пронюхали, Бри, — ухмыльнулась могучая мельничиха Вэл. — А то с чего бы это они к нам пришли? Захотелось не захотелось — какая чепуха!

Ее брат-близнец Эллис молча кивнул в знак согласия.

Толпа снова загудела, на этот раз сердито.

— Все равно, — заявила старая Ланн, — будем держать язык за зубами. Пусть мы закрываем ворота, когда букшахи уже ушли. Ладно. Лучше быть осторожным, чем потом жалеть о сказанном. Все, значит, рот на замок, и еще — ни под каким видом бродников в сады не пускать!

— Горная ягода растет не только в садах, — напомнил ей Тимон. — У дома Аллуна и у тех, кто ходил на Гору, торчат такие же кусты. Птицы лакомились этими ягодами и разносили семена по округе. Куда ни глянь — ее везде увидишь. Каждый день новые побеги появляются. А аромат-то — по всей деревне!

И он помахал рукой в воздухе.

— Тогда скажем этим лютикам, чтобы не ходили к нам, — предложил Бри. — Пусть они своим табором живут себе на холмах.

— Так нехорошо, Бри, — возразил ему Тимон. — Бродники — наши друзья, а когда бывает трудно — еще и союзники.

— Правильно. Бродников сердить ни к чему, — спокойно сказала Джиллер. — Давным-давно мы вместе сражались против зигаков. Кто знает, может, придется сражаться вновь. С ними надо дружить.

— И им незачем с нами ссориться, — высоко подняла голову старая Ланн. — Выходит, Джиллер, и у них есть резон слушаться нас. Будь что будет. Скажем им, чтобы не ходили к нам в деревню.

Бри, Ханна и Бронден закивали, а за ними и другие.

— Решено, — подвела итог Ланн. — Так тому и быть.

Джиллер, не сдержавшись, тихо сказала что-то резкое. Тимон тоже был явно недоволен.

Недовольными окажутся не одни они. Роуэн представил себе возмущение Аллуна, Марли и Силача Джона, когда они узнают, что сход постановил бродников в деревню не пускать.

Он повернулся и пошел с площади, все равно сход уже закончился. А потом, пора было возвращаться к букшахам. Скоро солнце сядет за Гору и долина погрузится в холод и тьму. Надо обязательно успеть вернуть букшахов домой.

— Роуэн, ты куда? — окликнула его Аннад. Она подбежала к брату и потянула его за руку. — Пошли домой — мы сегодня рано ужинаем. Вечером к нам в гости придет Джон. А потом мы все вместе отправимся к бродникам. Мама обещала.

— Мне надо вернуться к букшахам, Аннад, — ответил ей Роуэн. — Они со Звездочкой далеко забрели, пока я ходил на холмы.

— Почему? — спросила девочка.

Роуэн попробовал улыбнуться.

— Может, как бродники: захотели — и ушли, — вяло пошутил он. — Но ты не бойся, Аннад. Если я долго буду искать букшахов, то не приду к ужину, а встречу тебя, маму и Джона прямо у бродников. Ты маме так и скажи. Ладно?

Девочка кивнула и побежала обратно на площадь.

Роуэн пошел на поля. Обернувшись, он увидел, как Аннад стояла и махала ему ручонкой. Он тоже помахал ей в ответ и двинулся дальше. «Смешная она все-таки девчонка, — подумалось ему. — Почемучка».

Почему небо синее? Почему мне нельзя не спать всю ночь? Почему головастики едят водоросли, а лягушки — букашек? Почему облака не падают? Почему ушли букшахи?

Роуэн добрался до озера, из которого обычно пили его звери. Но там их не было видно. Вздохнув, он двинулся дальше, вверх по течению Реки.

С чего это букшахам вздумалось уйти именно сегодня? Ведь луга покрывал шелковистый ковер свежей зеленой травы. Воды тоже было вдоволь. Букшахи никогда не уходили далеко от своего озера. А сейчас вот ушли. Как раз когда Роуэну надо скорее домой. Жуткая песня Шебы все крутилась в его голове. Пусть это просто злая шутка, но ему не терпелось рассказать о ней и маме, и Силачу Джону — уж очень тяжело держать ее в себе.

Он все шел и шел и наконец далеко впереди увидел свое стадо. Звери уходили вверх по течению. Мальчик заторопился.

«Жизнь в Рине такая скучная, идет и идет себе день за днем, — думал он. — И вдруг ни с того ни с сего случаются сразу три непонятных события. Бродники пришли — раз. Шеба чего-то испугалась — а может, притворилась — два. Теперь вот букшахи уходят — три. Нехорошо».

И тут Роуэн замер.

Нехорошо? Или все это не просто так?

Солнце скрылось за Горой. Наступили сумерки. Роуэну стало зябко, и он задрожал.

6. Золотая долина

— И великаны Инспрея начали биться на склоне Горы, чтобы решить, чьей же станет славная Золотая долина. Шесть долгих дней и шесть долгих ночей шла эта схватка. Голоса их ревели, точно яростный ураган, и оружие бряцало, как тысячи кимвалов, и башмаки стучали, словно раскаты грома. Но ни один из них не желал сдаваться...

Сказочник Огден сидел у костра и рассказывал легенду о Золотой долине. Вокруг него собрались множество ребятишек — и из деревни, и из лагеря бродников. Дети этого племени слушали Огдена часто, но это им никогда не надоедало.

За ними в темноте стояли взрослые. Это были жители Рина — те, кто заглянул к Огдену на огонек. Роуэн заметил среди них учителя Тимона. Рядом с ним стояла хранительница книг Мейз. Были здесь и Аллун, и Сара, и Марли, и булочник Солла.

Потом, конечно, взрослые посмеются над сказками бродников. Будут говорить, Огден так напридумывает, что от правды не отличить. А сейчас они, как и все, стоят и внимательно слушают.

Рядом с Роуэном у костра сидела Аннад. Мальчик знал, что мама и Силач Джон тоже где-то здесь. Он еще не говорил с ними, потому что пришел в лагерь прямо с луга, где паслись букшахи.

Сегодня путь домой оказался непростым. Когда он все-таки догнал стадо, то долго-долго уговаривал Звездочку, чтобы она послушалась его и повела животных обратно в Рин. А потом провозился с воротами, которые снесли букшахи, уходя вверх по Реке, — те все никак не запирались.

Роуэн очень надеялся, что теперь букшахи утомонились. Вообще-то, если им вздумается, они снова без труда сокрушат ворота. Звездочка почему-то беспокоилась, но она уж точно не пойдет в темноте неизвестно куда.

Мысли Роуэна прервал громкий голос Огдена. Рассказчик подходил к самому интересному:

— И вот шесть дней и шесть ночей великаны топтали землю на склоне Горы, поливая ее своей кровью. Шесть дней и шесть ночей клочьями летела трава и шатались деревья. Шесть дней и шесть ночей воздух сотрясали яростные крики и над полем битвы витал запах пота и злости. А потом, на заре седьмого дня, когда битва еще продолжалась, словно сама Гора закричала: «Довольно!» И сотрясла землю. На ней зазмеились трещины, а к небу поднялись облака из дыма и пламени. С вершины Горы полетели огромные камни. Они больно били великанов, с корнем вырывали огромные деревья, громоздились один на другом. Людей, которые жили в Золотой долине, обуял страх. Они жалобно стонали и жались друг к другу, потому что думали, что настал их последний час.

Огден посмотрел в широко открытые глаза детей, собравшихся вокруг костра. Поленья в нем потрескивали и искрились. Губы его под большим носом растянулись в улыбку, и он тихо продолжил:

— А потом битва закончилась. Рассеялись пламя и дым. Полумертвые великаны, изуродованные камнями, которыми забросала их разъяренная Гора, так и повалились на ее склон. Застывшим взглядом смотрели они вниз, в последний раз желая увидеть тот прекрасный уголок земли, который каждый из них хотел забрать себе. Потом они застонали, закричали и в бессильной ярости начали потрясать израненными в битве кулаками. Ведь

теперь перед ними расстилалась каменная пустыня. Золотой долины, за которую они так яростно бились, за которую они отдавали свои жизни, больше не существовало. Она исчезла с глаз всех, кто ей угрожал. Исчезла навсегда. Исчезла, исчезла, исчезла...

Голос Огдена затих.

— Плохие великаны! — прошептала Аннад, сжав кулачки. Она впервые слушала эту легенду. — Это из-за них пропала Золотая долина. Там теперь одни только камни. Камни убили всех хороших людей. Они завалили тропинки, серебряный ключ, и плоды, и птичек, и маленьких белых лошадок, и...

Роуэн погладил ее по руке.

— Тихо, Аннад. Слушай дальше, — прошептал он.

Огден кивнул, и отблеск костра отразился в его черных глазах.

— Великаны умерли в проклятиях и столах. Они бранили друг друга и ругали Гору. Они плакали о том, что потеряли самое ценное сокровище на всем белом свете. Но они не знали тайну Горы. — Он остановился и спросил слушателей: — А вы ее знаете?

Дети, что сидели вокруг него, даже те, что слышали эту легенду и раньше, молча покачали головами. Им хотелось, чтобы Огден сам закончил свой рассказ.

Он наклонился чуть вперед и голосом тихим, как вечерний ветерок, сказал:

— Я скажу вам. Камни не уничтожили Золотой долины. Хотя ее жители в страхе и жались друг к другу, боясь смерти, они видели, что в этом месте совершается настоящее чудо. Ни один камень с Горы не упал в долину.

Роуэн почувствовал, как Аннад вцепилась в его руку. А Огден рассказывал себе дальше:

— Хотя вся земля изменила свой вид и на месте равнин взгромоздились горы, Золотая долина осталась такой же, какой и была. А когда все кончилось, вокруг нее вознеслись холмы из камней, которые сыпала из себя Гора, и на входе в долину появился страшный-престрашный провал Унрин, чтобы оберегать долинный народ от злых людей. С той поры долинный народ знал, что в их дома никогда не заглянут любопытные глаза и к их долине никогда не протянутся загребущие руки. И они будут жить в мире и счастье и забудут о том, что такое страх...

Тут Аннад не утерпела.

— Так что, Золотая долина сейчас здесь, за Горой, да? — пискнула она. — И люди, и белые лошадки, и разрисованные домики, и серебряный родник, и...

Огден улыбнулся в ответ:

— Да, моя девочка. Но до наших дней никто из чужаков там так и не побывал. Даже мы, бродники, хоть когда-то и сильно дружили с долинным народом, не знаем теперь, где лежит долина. Потому что, когда великаны Инспрея схватились между собой и погибли, бродники на побережье дрались с зибакками. Многие невежды, те, кто верит только тому, что видит сам, говорят, что Золотой долины больше нет, — продолжил он. — А кто-то утверждает, что ее и вовсе никогда не было! Но я-то знаю, что она была и есть. И вот теперь вы тоже это знаете.

Огден откинулся назад и сложил перед собой руки. Аннад вздохнула с радостью и облегчением.

Роуэн снова подумал о том, до чего же здорово Огден умеет рассказывать. Его слова зачаровывали, и колдовство это было таким же чудодейственным, как сила волшебных трав, которые собирают в полночь, или как вычитанное в старинной книге заклинание. Роуэн уже не раз слышал легенду о Золотой долине. И все же каждый раз это было точно впервые.

Даже теперь, когда ему и без того было о чем подумать, он слушал как завороженный. Снова его разум замирал перед этим чудом. Снова он почти уже верил в то, что волшебная долина все-таки есть.

Он прикрыл глаза, снова и снова вспоминая голос Огдена: «Золотая долина... Волшебное, светлое, живое, радостное место... Холодный серебряный источник бьет прямо из-под земли... На деревьях качаются яркие цветные фонарики... Красивый народ — высокий и сильный, умный и добрый... Цветы и плодовые деревья, которые растут вдоль дорожек, выложенных драгоценными камнями, а дорожки эти выются по волшебным садам... Дома раскрашены каждый на свой манер... Перед каждым домом сидит золотая сова, а глаза у нее из изумрудов...»

Роуэн готов был поверить каждому слову Огдена. Ему уже казалось, что там, за Горой, за Рином, и правда лежит прекрасная мирная земля, надежно укрытая от любопытных глаз. Терпение, только терпение...

— Золотая долина, — шепнула Аннад, мечтательно улыбаясь. — Золотая долина...

7. Рассказ Аллуна

Толпа зашевелилась, и Роуэн, очнувшись от своих мечтаний, поднял глаза. Вперед выступил Аллун.

— А теперь, Огден, — начал он, широко улыбаясь, — мы, жители Рина, тоже расскажем кое-что, если ты не будешь против. Этого рассказа еще никто не слышал. Он о великой храбрости.

У Роуэна екнуло сердце. Он ни о чем таком и не подозревал. У него сразу же запылали щеки, а Аннад гордо прижалась к нему.

Теперь настала очередь Огдена удивляться.

— С удовольствием послушаю, Аллун, — сказал он чуть насмешливо. — Он подмигнул детям-бродникам, которые сидели рядом с ним. — Любопытно, что же это за рассказ припасли для нас жители Рина? — возвысил он голос. — Выискался какой-нибудь смельчак и спас хлеба Аллуна, а то бы они пригорели? А может, бесстрашные садовники Рина своими руками собрали с деревьев всех вредных жуков? Ох и жуткая, наверное, будет сказочка! Я уже так боюсь!

Ребята-бродники захохотали.

Аннад подпрыгнула на своем месте.

— Не смешно! — тонким голосом выкрикнула она. — Наш рассказ не хуже вашего.

Роуэн потянул ее за платице и шепнул:

— Тихо, Аннад. Это Огден так дразнится.

Но хотя она и села на место, было заметно, что не только ей шутка Огдена пришлась не по вкусу. Многие дети из Рина, да и взрослые тоже были недовольны. И так уже не все доверяли бродникам. И никому не хотелось, чтобы его дразнили.

Но Аллун улыбался.

— Смейся, если хочешь, Огден, — сказал он своим чистым, ясным голосом. — Но не забудь, что жители Рина не всегда копались в садах и огородах. Наши предки храбро воевали. Ведь наше племя дралось вместе с твоим, и вместе мы не дали врагу покорить наши земли.

— Правда! — раскатом ударил знакомый голос.

Толпа зашевелилась. Люди обернулись на седоволосую женщину, которая, тяжело опираясь на палку, стояла в тени. У Роуэна сердце снова ушло в пятки — он узнал старую Ланн.

— Ты, бродник, наверное, радовался, стоя с нами плечом к плечу, когда наступали зиаки! — возвысила она голос. — Вспомни-ка их железные клетки! Вспомни Великую Равнинную войну! Вспомни, сколько народу погибло! Вспомни это все и подумай, стоит ли так шутить.

Жители Рина одобрительно загудели.

— А мы ничего и не забыли, уважаемая Ланн, — мирно ответил Огден, протягивая руки к огню. — Мы, бродники, помним все. Мы помним, например, что вашим сильным воинам очень пригодились хитрые уловки нашего племени, чтобы лучше подкрадываться к противнику и незаметно на него нападать. — Его голос стал тише. — Мы не забыли, как бродники кормили и укрывали их, когда они падали от голода на диких равнинах, совсем не похожих на их мирные поля и маленькие дома с амбарами, забитыми всяким добром. Мы не забыли, как рядом с ними сражались бродники и тоже сотнями гибли, хотя могли бы

спокойно ускользнуть и оставить их биться в одиночку. — Вождь слегка улыбнулся и закончил: — Нет, мы-то ничего не забыли. А вот у иных-прочих память, кажется, короткая.

Сказав все это, он подобрал с земли листик лютика и принялся вертеть его между пальцами.

Вокруг костра повисло молчание, и молчание недоброе. Потом Огден поднял глаза. Они горели, точно искры костра, и улыбка его стала шире.

— И все-таки, Ланн из Рина, ты права, — признал он. — Ваш короткий рассказ — это рассказ о героях, и мы, бродники, хорошо об этом знаем. Мы знаем, как высоко ценится у вас храбрость. — Его губы дрогнули. — Храбрость для вас — то же, что упорный труд, хороший дом, полное брюхо и проторенный путь. А значит, вы и вправду высоко ее цените. Мы это знаем, хотя нельзя сказать, что понимаем. И если иной раз мы, легкомысленные бродяги, шутим над вами шутки, так это, жители Рина, мы не со зла. Скорее уж мы сгинем в провале Унрин, чем нарочно обидим вас. Простите великодушно.

И он склонил голову.

Многие жители Рина одобрительно закивали в ответ. Но ребяташки-бродники захихикали, прикрывая рты ладошками. Роуэн понял, что Огден снова посмеялся над ними. И еще он понял, что шутил вождь не просто так. Слова Ланн разбредили старую рану. Они резали, точно ножом.

Аллун тоже это почувствовал. Роуэн видел, как заблестели его глаза и крепко сжались губы. Но он кивнул Огдену и улыбнулся всем остальным:

— Ну, теперь, когда все успокоились, можно, я все-таки расскажу?

Огден развел руками:

— Ладно, говори, Аллун, сын Сары из Рина и бродника Форли. В твоих жилах течет кровь обоих племен. Мы готовы тебя выслушать.

— Да, да, рассказывай, Аллун, а мы слушаем, — поддержала Огдена старая Ланн. — Только лишнего не добавляй. Нечего тут долго рассусоливать. Того, чего не было на самом деле, и говорить не стоит.

Огден поднял свои косые брови и бросил на нее удивленный взгляд.

Но Роуэн знал, на что намекала Ланн. Она боялась, как бы Аллун ненароком не разболтал про горную ягоду, которая растет на Горе, рядом с пещерами. Она боялась, что он начнет хвастаться, как он отведал этих самых ягод, потом угостил ими Марли, потом насыпал их полные карманы и принес домой, в Рин. Она боялась, что он разгласит их тайну.

— Не волнуйся, Ланн, — еле слышно сказал Аллун. — Я тебя не подведу.

Он пристально посмотрел на Огдена и повел свой рассказ:

— Однажды утром жители деревни Рин проснулись и увидели, что Река, которая спускалась с Горы и, куда-то спеша, бежала через деревню, превратилась в жалкий ручеек. К вечеру он совсем обмелел...

Вокруг костра воцарилась тишина. Роуэн видел, как взрослые бродники останавливались, прислушивались и подходили поближе к Аллуну. Он увидел Зеел, самую главную из предвестников, потому что она протиснулась в середину толпы. Бродникам было известно, что для жителей Рина и для их букшахов Река — это сама жизнь. Даже в глазах у Огдена потухли насмешливые огоньки.

Пока Аллун рассказывал, Роуэн прикрыл глаза. Ему ведь не обязательно было слушать эту историю, он и так ее знал. Она случилась с ним самим, с Силачом Джоном, садовником, хлебопеком Аллуном, ткачихой Марли, Бронден, которая мастерила столы, скамейки и

всякую прочую мебель, и мельниками Вэл и Эллисом.

Полгода назад они все вместе отправились на Запретную Гору, чтобы узнать, почему пересохла Река, и сделать так, чтобы ее вкусная вода вновь весело зажурчала в долине Рина. Путь сумел завершить, как и предсказывала Шеба, один Роуэн, самый маленький и слабый из всех, но именно ему и суждено было исполнить то, за чем они шли.

Сам-то Роуэн, конечно, знал, что никакой он не храбрец. Шеба правильно сказала: каким он был, таким и остался — обыкновенным трусливым мальчишкой.

Но теперь он понял, что храбрость бывает разной. Он знал, что если тем, кого он любит, понадобится помощь, — пусть ему будет страшно, но он сумеет победить себя и сделать все, что нужно.

Так что храбрецом он не был. Ну просто совсем не был. И даже не любил, когда его так называли. Он сидел сейчас на траве, но ему хотелось сжаться в комочек, а еще лучше — убежать отсюда, разыскать маму и Силача Джона и все-все им рассказать. Однако он не мог этого сделать: уйти от костра, не дослушав рассказ, было бы очень невежливо. Значит, надо было подождать.

Аннад дернула его за рукав.

— Они слушают, — прошептала она. — Смотри! Сейчас они все узнают, что ты сделал, Роуэн, какой ты храбрый и как тебе было трудно, но ты спас нашу деревню. — Она гордо выпрямилась и важно добавила: — Надеюсь, они все знают, что я твоя сестра! — Обведя взглядом детей-бродников, которые, широко раскрыв глаза, сидели на корточках у огня, она довольно сказала: — Пусть попробуют теперь шутить над нами!

Роуэн тихонько похлопал ее по руке:

— Не говори так, Аннад. Бродники это любят. Они кого хочешь на смех поднимут.

* * *

Аллун замолчал. Над янтарными углями гаснущего костра повисла тишина. А потом бродники вместе с жителями Рина громко забили в ладоши и радостно закричали.

Аллун широко улыбнулся и кивнул Роуэну, приглашая его подойти к огню. Он хотел, чтобы Роуэна увидели все. Но мальчик, наоборот, отодвинулся в тень — под любопытными взглядами бродников ему было не очень-то по себе.

— Вот и ладно! — прервал молчание Огден. — Молодец, Аллун. Теперь у меня в запасе будет еще один рассказ — о Роуэне из Рина. — Он задумчиво помешал угли. — Отличный, просто отличный! И ты, Аллун, здорово рассказываешь. Но сдастся мне, я получше сумею. — И он довольно улыбнулся.

Среди общего смеха громче всех раздавался голос Аллуна.

Огден отбросил палку, которую держал в руке, наклонился вперед и сказал:

— Слушай, Аллун, давай поговорим о вашем путешествии поподробнее.

Аллун посмотрел на него с недоумением, а Огден настойчиво произнес:

— Мне надо кое о чем тебя расспросить. — Он ненадолго умолк, затем пояснил: — Гора — это сплошная загадка. Говорят, что жители Золотой долины ходили на нее еще до того, как великаны Инспрея схватились друг с другом и долина навсегда спряталась от наших глаз. Давно я ждал, чтобы нашелся человек, который видел ее чудеса своими глазами. Так что уважь меня, Аллун.

Вокруг костра снова стало тихо. Роуэну показалось, что все жители Рина замерли.

— Наверное, не получится, Огден, — ответил Аллун. — Моя мать устала, пора вести ее обратно в деревню.

Роуэн видел, что Аллун колеблется и ему очень трудно улыбаться. По лицу Сары тоже было заметно, как сильно она переживает, хотя старается не подавать виду и крепко держит сына за руку.

— Мы просим, чтобы в этом году никто из твоего племени в деревню не приходил, Огден, — выступила вперед Ланн. Она сказала это громко и твердо, глядя Огдену прямо в глаза. — К сожалению, когда вы здесь появляетесь, наши дети приходят в страшное возбуждение. Зима была долгой и трудной, они ослаблены, и им эти волнения вредны. Поэтому просим вас считаться с нашими пожеланиями и оставаться в своем лагере.

Лицо Огдена не дрогнуло. Ни за что нельзя было догадаться, о чем он думает. Но Роуэн заметил, как помрачнели Зеел и другие бродники, собравшиеся у огня. Понятно было, что им эти слова пришлись не по душе.

— Может, ты кого другого расспросишь из тех, кто еще ходил на Гору, а, Огден? — сказала вдруг Сара, желая, видимо, предотвратить ссору. — Вот Силач Джон здесь. И ткачиха Марли тоже.

Огден задумчиво взглянул на нее.

— Пожалуй, в следующий раз я так и сделаю, — вежливо сказал он. — А сейчас... — он взглянул в лица собравшихся, — поговорю-ка я с Роуэном. Ведь он у вас больше всех отличился.

Роуэн почувствовал, что у него покраснели уши. Взволнованная Аннад подтолкнула его вперед. Он понимал, что надо вставать и идти к тому человеку, что сидел сейчас у костра, но ему не хотелось. Очень-очень не хотелось.

И все-таки он поднялся и нехотя сделал несколько шагов. Все взгляды были прикованы к нему, а он видел только глаза Огдена: глубокие, темные, буквально впившиеся в него.

8. Лютики

— Ну, пастушок Роуэн, — сказал Огден и махнул смуглой худой рукой, приглашая его подойти поближе, — нам есть о чем потолковать. Сегодня я уже второй раз слышу о тебе. Мне сказали, что ты вместе с теми, кто нас встречал, побывал на Горе. Так?

Роуэн кивнул. Он вспомнил, с каким любопытством разглядывали его предвестники. Значит, они запомнили его имя и сообщили его Огдену. «Зачем? — подумал он. — Что во мне такого особенного? Ведь я самый обыкновенный».

Огден склонил голову набок.

— Ты о многом раздумываешь и многому удивляешься, правда? — начал он. — И притом гораздо чаще, чем люди твоего племени. Из-за этого тебе с ними не всегда хорошо. Тебе гораздо спокойнее рядом со своими огромными зверями. Правильно я говорю, а, пастушок?

Роуэн растерянно застыл. Неужели этот человек умеет читать мысли? Или умеет заглядывать в душу? Он в испуге осмотрелся. Где мама и Аннад? Где Силач Джон?

А они стояли и любовались фокусником-бродником, в руках которого то появлялся, то исчезал крошечный серебряный колокольчик. Руки порхали, точно две большие птицы, подбрасывали колокольчик то так, то этак, а он блестел в свете костра и то пропадал, то вновь откуда-то появлялся. Аннад смотрела на это чудо, открыв рот.

— Не бойся меня, — так же тихо и вкрадчиво сказал Огден. — Я тебе дурного не сделаю. Спрошу кое о чем, вот и все. Так, ерунда. Хочется понять, что ты за человек.

Роуэн чувствовал, что теперь у него запылали и щеки. Он выпрямился и на всякий случай приготовился к любой неожиданности. Было件нятно, что этому человеку не соврешь, — вон какие у него глазищи, все видят. Вот только Роуэн не знал, как отвечать, если сказочник Огден вдруг спросит прямо, а не принес ли кто чего с Горы.

Но, к его радости и удивлению, этого не произошло. Огден расспрашивал Роуэна о матери и об отце, о букшах и о его жизни пастуха. Закончив расспросы, Огден взял Роуэна за подбородок и пристально посмотрел ему прямо в глаза.

— Честен и прям, — сказал он наконец и опустил руку. Еще раз взглянув на озадаченного Роуэна, он слегка улыбнулся. — Закончилось твое испытание, пастушок, — объявил он. — Иди себе с миром.

Роуэн пригнул голову и быстро отступил в темноту. Когда он набрался храбрости и все-таки посмотрел на Огдена, то увидел, что тот заложил руки за голову и сидит, внимательно глядя в усыпанное звездами небо. Брови его сурово сдвинулись, словно тяжкая забота вдруг опустилась на его плечи.

Роуэн припустил что было сил.

* * *

Вскоре Роуэн, Аннад, Джиллер и Силач Джон отправились домой. Было уже поздно, и Аннад ужасно хотелось спать. Но она без умолку болтала о том, что рассказал Аллун, — ее распирало от гордости за брата.

Роуэн взглянул на свою высокую, стройную маму, которая шла рядом с ним. Хоть ей и

не понравилось, что бродникам запретили входить в деревню, вид у нее был веселее, чем раньше. Хорошо все-таки, что они побывали у бродников.

Может, прямо сейчас рассказать маме и Джону о Шебе? Но говорить об этом при Аннад, пожалуй, не стоит. Наверное, лучше будет подождать до дома, когда сестренка уляжется спать. Несколько лишних мгновений ничего не изменят.

И вообще здесь, под звездным небом, рядом с мамой, его страхи стали казаться какими-то детскими. Чем больше он думал о том, что случилось под деревьями, тем больше сказанное Шебой походило на ее новую злую шутку.

Джиллер обернулась и заметила взгляд сына.

— Молодец, Роуэн, — негромко сказала она. — Я видела, как ты разговаривал со сказочником Огденом. Ты был спокоен и держался с достоинством. Я горжусь тобой.

Роуэн ничего не ответил. После беседы с Огденом его все еще трясло. Понятно же, что ерундовые вроде вопросы, на которые он отвечал, сказочник задавал не просто так. Но от маминых слов на душе у него потеплело. Она не часто говорила такое, считая, что сын должен быть сильным и не ждать похвал за то, что следует делать как само собой разумеющееся.

— Вот Роуэн им показал! — воскликнула Аннад и зевнула. — Вот уж он показал этим лютикам!

— Аннад! Разве можно так называть бродников? — укоризненно произнесла Джиллер, с трудом сдержав улыбку.

Аннад снова зевнула.

— А что тут такого? Их все так называют. Все называют их лютиками.

— Не все, маленькая, — твердо сказал Силач Джон. — Мама так не говорит. Я так не говорю, Марли и Аллун тоже. Только те, кто хочет обидеть бродников, называют их так.

— Да? — задумалась Аннад. — А почему?

— Они думают, что от бродников нет никакого толку, — объяснила Джиллер. — Вот и называют их лютиками. Это ведь обидно, правда?

— А почему? — не унималась Аннад. Глаза у нее уже почти закрылись, но она упрямо топала вслед за взрослыми. — Почему их называют лютиками?

Роуэн увидел, что над головой Аннад переглянулись и улыбнулись друг другу Джиллер и Силач Джон.

Силач Джон поднял девочку и посадил ее себе на плечи.

— Потому что лютики растут без цели и смысла, — сказал он и зашагал дальше. — Когда наше племя только появилось в Рине, вся долина желтела от этих цветов — они ведь и сейчас растут на холмах. А потом здесь принялись сеять полезные растения, строить дома, копать огороды, а лютики стали выпалывать. Ведь там, где лютики, ничего больше расти не может. Поэтому хорошие хозяева этот цветок не любят. И точно так же не любят они бродников.

Аннад подумала и сказала:

— А лютики не совсем бесполезные. Из их корней Шеба делает лекарство для носа Роуэна и продает его нам.

Силач Джон рассмеялся в ответ.

— Да, от пылицы лютиков у мальчишки-зайчишки из носа течет как из ведра, а от отвара из их корней — останавливается, — сказал он и посмотрел на Роуэна. — Надо же, один и тот же цветок и яд, и лекарство. И правда много в природе чудес и загадок.

Они уже дошли до садов Бри и Ханы, и тут Силач Джон остановился. Роуэн громко чихнул. Хотя у него и был не в порядке нос, в холодном вечернем воздухе он чувствовал волшебный аромат горной ягоды.

— Ну я пришел, — сказал Силач Джон, опустив Аннад на землю. — Сегодня моя очередь охранять сады вместе с Бри и Ханой.

Роуэн разочарованно вздохнул. Он-то думал, что Джон заглянет к ним и хоть немножко посидит у огня. Он ведь раньше часто так делал! Что за невезение такое, и как раз сегодня, когда Роуэну это просто необходимо!

Джиллер плотнее закуталась в платок.

— Сторожи как следует, — сказала она. — Что-то я, как и все, боюсь, не разболтал бы Аллун бродникам о горной ягоде. Ему это ничего не стоит. Да и ушли они с Сарой что-то рановато. А вдруг потом вернулись и... Кто их знает?

— Да нет, Аллун ведь не дурак. Они с матерью наверняка промолчат, — твердо возразил ей Силач Джон. — Ну ушли они пораньше, так что с того? Просто хотели показать всем, что, если бродники и прознают про горную ягоду, Аллун с Сарой тут ни при чем.

— Да ведь Аллун-то наполовину бродник! И он думает, что шумиха из-за этой горной ягоды яйца выеденного не стоит, — заспорила Джиллер.

— Мама! — вступил в разговор Роуэн, удивленный ее словами. — Аллун никогда нас не предаст!

Джиллер промолчала.

— Я думал, ты к нему хорошо относишься! — укорил ее Роуэн.

— Да, Роуэн, я хорошо отношусь к Аллуну, — сухо сказала Джиллер. — Но это ведь не значит, что я не вижу его недостатков. Конечно, нарочно он никогда нас не предаст. Но он может не согласиться с тем, что если бродники узнают от него о горной ягоде, то это и есть предательство. — Она закусил губу. — У Аллуна в жилах течет кровь бродников. Он как думает: что растет на земле, то, значит, общее. Ему невдомек, с чего это жители Рина так носятся с этой тайной. Я-то знаю — он сам мне об этом сказал. Мне и Марли.

Роуэн хотел было заговорить, но Силач Джон опередил его.

— Мало ли что сказал Аллун. Мы с ним точно знаем, что бродники уже прослышали о новой ягоде, Джиллер, — ответил он ей. — А если и нет, то все равно скоро узнают.

— Да как? — крикнула она. — Сказала же Ланн Огдену...

— Обидные слова Ланн не остановят бродников, если они надумают прийти к нам ночью, — спокойно сказал Силач Джон. — И тогда уж они наверняка почувствуют запах горной ягоды и увидят ее. Кусты-то везде!

Джиллер вздохнула.

— По-моему, бояться нечего, Джиллер, — продолжал Силач Джон. — В этом году в Рине созреет хороший урожай горных ягод. На все хватит — и продать, и самим поесть. — Он улыбнулся. — Кусты так разрастутся, что ягоды в наших местах будет столько же, сколько когда-то лютиков. Люди начнут ворчать, говорить, что от кустов никакой пользы нет, и вырывать их с корнем.

— Это вряд ли, — рассмеялась Джиллер. — Цветет она уж очень красиво. А пахнет до чего сладко! А вкусная какая! Хочешь — так ешь, хочешь — пирожки с ней пеки, хочешь — сок выжимай.

— Что ж, мою садовую ягоду и в рот больше никто не возьмет? — Силач Джон в притворной печали обхватил руками голову. — Что, и деревья переведутся в долине, как

лютики? Придется, значит, мне, как Шебе, ходить за своим урожаем в горы.

— Нет, этого не будет. Вот мне, например, садовые ягоды гораздо больше нравятся, чем горные, — сказал Роуэн.

— И мне! — пропищала Аннад.

По правде говоря, ей очень нравилась горная ягода. Но Силач Джон ей нравился гораздо больше.

Силач Джон потянулся, зевнул и сказал:

— Ну что, спокойной вам ночи и счастливо добраться до дома.

Повернувшись, он зашагал к садовой калитке. Роуэн услышал, как он постучался и крикнул:

— Эй, Хана, Бри! Откройте!

Никто не отвечал.

— Бри, Хана! — громче, но несердито повторил Джон. — Оглохли вы там, что ли, или заснули? Пустите!

Было тихо. Очень тихо и очень темно.

Роуэн дрожал от холода. Издалека, с лугов, где паслись букшахи, слышался их глухой рев. А с холмов неслась веселая музыка.

Послышался шум — это Силач Джон перелез через ограду и спрыгнул на землю с другой стороны.

Роуэн слышал, как он звал их:

— Что это вы, шутить вздумали? Вы где? В постели небось нежитесь, а я тут...

И вдруг он замолчал. Потом Роуэн услышал тяжелый топот ног, и калитка распахнулась настежь. Джон прокричал:

— Роуэн! Джиллер! Сюда, скорее сюда!

9. Беда

Они нагнулись над двумя телами, которые, скорчившись, лежали на земле лицами вниз, неподалеку от того места, где росла горная ягода. Вокруг на траве валялись какие-то колышки.

— Дышат! — вскрикнула Джиллер. — Ой, они совсем не шевелятся, и я было подумала...

— Я тоже, — мрачно сказал Силач Джон. — Но, к счастью, они живы. Только вот что-то никак не проснутся.

Он потряс Бри за плечо. Тот даже не пошевелился.

— Видишь? — сказал Силач Джон.

— Дети! — выдохнула в ответ Джиллер.

Ни слова больше не говоря, она вскочила и побежала к дому, который темнел за фруктовыми деревьями.

Роуэн со страхом ждал, когда она вернется. Он не очень-то дружил с тремя детьми Бри и Ханы — те презирали его за робость и не упускали случая подразнить. Но ему было тяжело думать, что им может грозить беда или что в страхе они жмутся Друг к другу в этом мрачном доме, а их мама и папа беспомощно лежат в саду на траве.

Джиллер быстро вернулась.

— Сопят себе в кроватях, — сказала она. — На вид с ними все в порядке. Я, правда, не стала их будить. Похоже, с ними такая же беда, что и с их родителями.

Она пощупала белевший в сумерках лоб Бри.

— Не горячий. Но обычно люди так не спят, Джон.

Она быстро обернулась, словно боясь, что кто-то может их увидеть.

— Я так и думала, что случится нехорошее, — сказала Джиллер и крепче обняла Аннад. — Как услышала, что дети принесли в деревню весть о бродниках, так сразу и подумала.

Она быстро посмотрела на кусты, рядом с которыми они стояли.

— Непонятно, то ли кто кусты ободрал, то ли из сада что утащили. Ничего не видно, хоть глаз коли.

Силач Джон молча смотрел на нее, потом тряхнул головой, словно отгоняя дурные мысли.

— После разберемся. Сейчас, главное, надо помочь Бри и Хане. Перенесем их в дом, Джиллер. Тяжело, ну да ладно, вдвоем как-нибудь справимся.

— Может, мне за подмогой сбегать? — предложил Роуэн. — Бронден и Марли недалеко отсюда живут.

Силач Джон призадумался.

— Нет, пожалуй, — помолчав, сказал он. — Сейчас, по-моему, лучше никому об этом не говорить, Роуэн. Дурная весть разнесется быстро. Пока не узнаем, в чем тут дело... — Он пристально взглянул в глаза Роуэну и спросил: — Ясно?

Роуэн кивнул. Он не хуже Силача Джона знал, что будет, если деревенские услышат о том, какая напасть одолела Бри и Хану. Найдутся такие, кто, не разобравшись, в чем дело, сразу помчится с факелами в лагерь бродников, чтобы их как следует припугнуть. А это очень опасно. Опасно для всего Рина.

Лучше Силач Джон и Джиллер попробуют разбудить Бри и Хану и от них самих узнать, что же все-таки случилось. Причина может быть самой простой. И бродники-то, наверное, здесь совсем ни при чем.

— Стой здесь, на страже, и смотри хорошенько, мальчишка-зайчишка, — велел Силач Джон. — Сейчас самое главное — никаких чужаков в сад не пускать.

— Я тоже! — подала сонный голос Аннад. — Я тоже хочу охранять!

Силач Джон так широко улыбнулся, что в темноте блеснули его зубы.

— Смотри же, охраняй хорошенько. Я на тебя рассчитываю.

— Как только услышишь что-нибудь подозрительное, сразу зови нас, Роуэн, — предупредила его мама.

Роуэн кивнул. Силач Джон и Джиллер наклонились, подняли грузное тело Бри и понесли его к дому, который стоял на краю сада.

Сгибаясь под своей нелегкой ношей, они исчезли в тени дома. Оставшись вместе с Аннад и спящей Ханой, Роуэн изо всех сил вглядывался в ночную тьму. Лучи лунного света тянулись далеко по саду.

Было очень тихо. Так тихо, что даже глубокое дыхание Ханы казалось сейчас очень громким. Ни звука не было слышно с той стороны, где паслись букшахи. Все умолкло и на холмах. Но тишина была какая-то беспокойная. Такая тишина — тяжелая и таинственная — бывает, когда чего-нибудь ждешь.

В засаде прячется тайный враг,
Засел он во тьме — берегись, дурак!

Роуэн почувствовал, как ему на плечо упала голова сестренки. Ее глаза совсем закрылись.

— Аннад, — тихонько позвал он, — может, пойдешь домой и ляжешь спать?

Она захлопала сонными веками:

— Я не сплю. Я вас охраняю.

— Ну охраняй, охраняй, — согласился брат.

Сестренка довольно кивнула и снова закрыла глаза.

Роуэн обнял ее, чтобы ей не было холодно. Сам он не спал и вглядывался в темноту сада, в самые мрачные его уголки: а вдруг там шевелится кто-нибудь подозрительный... Он прислушивался, ловя в тишине малейший звук. Он ждал какого-нибудь знака, что кто-то или что-то бродит рядом и так же, как и он, прислушивается и приглядывается ко всему.

Но нет... Только монотонный надоедливый напев все крутился у него в голове. И Шеба, все время Шеба, с лицом, перекошенным от ужаса.

Роуэн услышал, как мама и Силач Джон вышли из дома и зашагали по саду. Теперь им нужно было отнести Хану.

Он быстро взглянул на крепко спящую Аннад. Точно, она не проснется. Значит, время настало.

— Мама! Джон! — позвал он негромко. — Мне надо кое-что вам рассказать. Да, прямо сейчас!

У Джиллер в глазах потемнело от страха.

— Это что? — только и смогла она сказать. — Что еще за колесо, которое повернется?

Роуэн удивленно посмотрел на нее. Он что-то совсем не подумал об этой строчке.

— Не знаю, — ответил он. — Вообще не понимаю, что это значит. И Шеба тоже. Но она боится, это точно.

Взрослые смотрели на него. Луну закрыло облако, и в саду потемнело. Рядом на дереве зачирикала какая-то птичка. Аннад пробормотала что-то во сне и пошевелилась на плече у Роуэна.

Силач Джон поднялся на ноги.

— Вот теперь нам нужна помощь, — сказал он. — Нельзя держать это в секрете.

Джиллер покачала головой, не соглашаясь с ним:

— Поздно уже. Незачем сейчас всю деревню будить.

— Да, незачем, — улыбнулся в ответ Джон. — Роуэн сбегает и поднимет только тех, кто и правда может помочь.

— Тимона, — предложил Роуэн.

Он подумал, что учитель Тимон, наверное, быстрее всех догадается, что означает стихотворение Шебы. И еще он один из немногих в деревне, кто не станет бояться.

— Правильно, — согласилась Джиллер. — Тимона. И еще Марли.

— И Аллуна, — добавил Силач Джон.

— Вряд ли Аллуна надо сюда впутывать, — сказала Джиллер. — Ясно же, что это дело рук бродников.

— Так кто же поможет лучше, чем он? — ответил ей Силач Джон. — Здорово, что у нас есть человек, знакомый с их привычками.

Джиллер промолчала, но по ее лицу Роуэн понял, что она не очень довольна.

— Ну так я сбегая за Тимоном, Аллуном и Марли, — быстро сказал он.

Роуэну не нравилось, что Силач Джон и мама не согласны друг с другом. Когда-то он даже и мысли не допускал, что Силач Джон может жениться на Джиллер и стать его отчимом. А сейчас он думал по-другому, хотя в его душе Силач Джон никогда не займет место родного отца. Силач Джон — это близкий, совсем особенный друг, которого он по-своему очень любит.

— Давай, Роуэн, — тихо сказала Джиллер. — И еще забеги к Ланн.

Роуэн и Силач Джон удивленно посмотрели на нее, но она выдержала их взгляд.

— Я тут все думала о стихотворении, — сказала она. — Там сказано: «Жди, повернется колесо». И еще: «Все та же гордость, и промах тот же...» Кажется мне, это вот что означает: какое бы лихо еще ни случилось с нами, похожее уже было раньше.

Сердце Роуэна затрепетало. Он тут же вспомнил, что сказала ему Шеба перед тем, как завывала свою песню: «Враг снова здесь. Колесо крутится. А теперь... теперь...»

Он произнес вслух последние строчки ее пророчества:

День ото дня он сильней и сильней.

Когда ж он покажется средь людей,

Былое зло объявится вдруг,

Сомкнётся навеки недобрый круг...

Он вздрогнул. Мама, видно, была права. Их поджидало что-то ужасное. Похожее на то, что уже было. Колесо судьбы крутится очень медленно. Круг зла должен вот-вот замкнуться. А уж когда это случится...

Джиллер посмотрела на Силача Джона.

— Ответ — в нашем прошлом, — сказала она. — Я это точно знаю.

Он задумчиво кивнул в ответ.

— Ланн среди нас самая старая, — продолжила Джиллер. — Она такое помнит, что даже в книгах не всегда найдешь. Если то, что вот-вот с нами случится, уже когда-то было, Ланн должна об этом знать. Значит, она нам поможет, пока еще колесо не до конца описало круг.

— Дело говоришь! — воскликнул Силач Джон и обернулся к Роуэну. — Ну беги! Да побыстрее!

10. Тайный враг

Тимон почесал затылок.

— В книгах говорится, что голод всегда был самым страшным врагом Рина, — высказал он свое предположение. — Голод случался здесь несколько раз — то из-за неурожая, то из-за суровой зимы, когда снегопад надолго отрезал нас от побережья.

— Вряд ли это тот самый враг, — засомневалась Джиллер. — Там говорится, что он уже здесь. Просто он затаился, чтобы мы не сразу его узнали. Но он уже здесь.

— Наверное, придется идти к Шебе, — сказала Марли. — Надо у нее спросить, что значит это стихотворение.

— Не знает она! — воскликнул Роуэн. — Я же вам говорил.

— Не знала она, когда с тобой говорила, Роуэн, — возразил ему Силач Джон. — А сейчас, может, уже поняла. Надо попробовать.

Ланн кивнула и показал палкой на Роуэна:

— Верно. Вот мальчик и пойдет. А с ним Джиллер и Силач Джон. Мы все будем ждать вас здесь, вместе со спящими. Тимон со мной посидит, Марли пойдет охранять горную ягоду...

— А я? — криво усмехнувшись, спросил Аллун.

— А ты останешься здесь. Я за тобой приглядывать буду, Аллун, — спокойно ответила ему Ланн. — Как бы тебе не вздумалось прогуляться на холмы.

Аллун потемнел от гнева, но сдержался и промолчал.

* * *

Над садом разливался неверный свет луны. Роуэн, Джиллер и Силач Джон шли молча, осторожно ступая, чтобы не помять сочную траву и не повредить хрупкие кусты горной ягоды, которых здесь было великое множество. По саду разлилась тишина. Птицы на деревьях молчали. С луга, где спали букшахи, тоже не слышалось ни звука.

В самом конце сада они перелезли через забор и торопливо пошли по жухлой траве к дому Шебы.

Из комнаты в открытую дверь лился мерцающий свет. Чья-то длинная тень двигалась то туда, то сюда. Сердце Роуэна забилось сильнее. Он посмотрел на маму. По ее лицу ничего не было видно, но дышала она учащенно, и Роуэну стало ясно, что мама тоже боится.

Они дошли до двери и заглянули в дом. Шеба склонилась над огромным железным котлом, подвешенным над огнем. Она помешивала свое варево и что-то бурчала себе под нос.

— Шеба! — негромко позвала ее Джиллер.

Старуха медленно повернулась. Мигая, она уставилась на Джиллер и Силача Джона и тут заметила Роуэна. Глаза ее округлились, и с диким криком, точно защищаясь от него, она вытянула руки вперед.

— Уйди! — задыхаясь, сказала она. — Оставь меня! Отверни свое страшное лицо!

Роуэн, испугавшись, отступил.

— Нам надо поговорить с тобой, Шеба, — торопливо сказал Силач Джон. — Ты прочла

Роуэну стихотворение. Что оно значит?

Она трясла головой, закрыв глаза, и стонала:

— Да идите отсюда! Дело надо доделать. Времени нет. Совсем времени нет.

Пламя замигало у нее за спиной, а в котле забулькала мерзкая бурда.

— Какое еще дело! — взорвалась Джиллер. — Стихотворение сейчас главнее. Объясни нам, что оно значит.

— Не понимаю я его, — бросила старуха. — А вот видения свои понимаю. И все они... все становятся правдой... Даже и теперь вертится колесо. Я чувую. И скоро враг победит нас. Скоро, скоро...

— Шеба, помоги! — попросил ее Силач Джон.

Шеба вдруг снова пришла в возбуждение:

— Надо отвар сделать. Вот это я умею. Это знаю. Мальчишка... уберите мальчишку. Это его я вижу в своих снах. Лицо... воздушные змеи... золотая сова с зелеными глазами...

У Роуэна перехватило дыхание, а мама сдавленно вскрикнула.

Шеба прохрипела:

— Замучили совсем!

Она запустила пальцы в космы и закачалась из стороны в сторону.

— Не знаю я почему. Знаю только, что надо дело делать. А я устала, ох как я устала...

Покачнувшись, она шагнула вперед, к ним.

— Уйди отсюда, изверг! — попросила она, глядя прямо на Роуэна. — Оставь меня!

Джиллер обняла сына и крепко прижала его к себе.

— Пошли, — сказал Силач Джон. — Нам здесь больше нечего делать.

Старая Ланн доковыляла до приоткрытого окна. Она посмотрела на высокую Марли, которая все стояла на страже горной ягоды, и обернулась к сидевшим в комнате:

— Три воздушных змея... Что это, как не бродники? Ну а золотая сова с зелеными глазами — это из их легенды о Золотой долине, помните? Эти видения надо хорошенько запомнить. Может, Шеба и не понимает, что это. Ясно одно: нас предупредили.

— Она сказала — «повернется колесо», — боязливо добавила Джиллер. — Сказала, что скоро нас победит враг.

— Что за враг такой? — нахмурился Тимон.

— И что вы все ищете какой-то тайный смысл? — с горькой усталостью, совсем не как всегда, обратилась к нему Ланн. — У Рина всегда был только один враг — зибакки. Вооружаться надо. Надо готовиться к войне.

В ярко освещенной комнате стало тихо. Роуэн обернулся и посмотрел, где мама. Она как раз пошла в комнату, где спали своим странным сном Бри и Хана.

Вернувшись, Джиллер успела услышать последние слова Ланн. Она стояла у двери, крепко сцепив пальцы рук, и переводила взгляд то на Аннад, которая тихо спала в уголке, то на Силача Джона, который сидел за большим столом, то на Роуэна.

«За нас переживает», — подумал Роуэн.

Джиллер быстро подошла к столу и села на свое место. Вид у нее был совсем измученный. Под глазами появились синие круги, а лицо побледнело.

— Никто не слышал, чтобы зibaки возвращались, — сказала Джиллер, подавшись вперед. — Водяной народ у своих берегов чужих кораблей не видел, да и новостей из-за Моря никаких нет.

— Девочка, ты вспомни, какая долгая и трудная была зима, — сказала Ланн. — Пожалуй что с осени никто к Морю и не ходил. Так откуда мы знаем, как там дела? Может, водяной народ давно уже весь перебит или в плену.

— Бродники бы знали, — вставил Тимон. — А предвестники сказали, что у них нет новостей.

— Они сказали, что у них для нас нет новостей, Тимон, — поправил его Силач Джон. — «Нет новостей» и «для вас у нас нет новостей» — это не одно и то же. — Он посмотрел на Аллуна. — Предвестники не все нам сказали. Я это сразу понял. Видно, бродники знают что-то такое, чего они по каким-то причинам не могут или не хотят нам сказать.

— Ерунда, — пробормотал Аллун, глядя куда-то вбок.

Ланн внимательно взглянула на него и спросила:

— Почему это?

Аллун поднял на нее глаза:

— Да потому. Бродники бы не стали скрывать от нас, что зibaки идут войной. И не только потому, что они наши друзья, но и потому, Ланн, что ты в лагере правильно сказала: мы им нужны.

— И правда, Ланн, — кивнул Силач Джон. — Бродники, как и мы, не хотят становиться рабами зibaков. Огден вечером говорил, что они не забыли Великой Равнинной войны. И они, конечно, помнят ту великую битву, когда наши предки пришли сюда и завоевали свободу.

— Не только это, — добавил Тимон. — В самых старых легендах бродников говорится о войне с зibaками. По ним выходит, что у Моря бродники дрались с зibaками как раз тогда, когда великаны Инспрея бились на Горе за Золотую долину.

Ланн проворчала:

— Великаны Инспрея, Золотая долина... Сказочки для детей!

Тимон прокашлялся:

— Может, оно и так. Правда и вымысел часто переплетаются, когда рассказ передается из уст в уста, как это принято у бродников. Верно здесь одно: зibaки всегда хотели завладеть этой землей. Еще до того как мы пришли, они не раз пробовали сделать это.

— Да ни разу у них не вышло, — напомнила Джиллер.

— Правильно, — кивнул Тимон. — Водяной народ оказался им не по зубам, и, в отличие от бродников, они плохо знали эти края. И поэтому их всегда вытесняли отсюда.

— А потом они решили привезти на эти берега нас. Ох как они ошиблись! — довольно добавила Ланн. — Они хотели укрепить свои войска сильными воинами-рабами. А рабы-то пошли против них и стали заодно с теми, кого зibaки хотели завоевать. И вот уже лет триста, как эту землю защищают не два, а три народа.

Она остановилась, и по ее лицу пробежала тень.

— Надо только проверить, вместе ли сейчас эти три народа, друзья мои. Или же, как предупреждает нас стихотворение Шебы, в воздухе витает измена.

— Да ты что?! — гневно вскричал Аллун.

Тимон протер усталые глаза и сказал:

— Остынь, Аллун. Все надо предусмотреть. А если... — Он задумался, глядя на Силача Джона и Джиллер, и продолжил: — А если зibaки наконец поняли, что силой им нас не одолеть, и пошли на хитрость? Что, если они пообещали бродникам такое, от чего они не силах отказаться?

— Бродникам ничего не надо. Что такого могли пообещать им зibaки? — резко ответил Аллун.

— Такого, чего у нас нет, — не мудрствуя, ответил Тимон. — Свою помощь, чтобы бродники могли одолеть провал Унрин и разыскать Золотую долину.

11. Измена

В комнате воцарилась тишина. Роуэн знал, что сейчас все думают об одном и том же: Тимон-то прав. Только одно могло соблазнить бродников — возможность найти то чудесное место всеобщего благоденствия, о котором были сложены их легенды, спустя много веков увидеть потомков тех мудрых и сильных людей, которые некогда дружили с бродниками и заключали с ними союзы.

— Представляете, какой это соблазн для Огдена — стать тем вождем, который принес своему племени счастье, — сказал Тимон. — Провал Унрин всегда был для бродников запретным местом. Они не могут туда попасть, как не могут и взойти на Гору. Если у них это получится, значит, все остальное им тоже по плечу. А Огден знает, что ни мы, ни водяной народ не станем помогать им искать путь в долину.

— Да ради чего же тратить время и рисковать жизнью? — спросила наконец Ланн. — Золотая долина — это сказка. Ее нет.

— А бродники верят, что есть, — без всякого выражения ответил Аллун. — Для них это такая же правда, как то, что солнце встает на востоке и садится на западе. Никто в этом даже не сомневается. — Неожиданно он вскочил со своего места и яростно затряс головой. — Нет! — закричал он. — Нет! Бродники никогда не купятся на обещания зиаков! Ни за что! Даже за это! Даже за Золотую Долину. Они наши друзья! Они никогда нас не предадут!

Тимон покачал головой.

— Может, зиаки кое-чему научились у бродников, — сказал он. — Может, они поняли, что пчелы летят на мед, а не на косые взгляды и злые слова. Лестью и подкупом они способны обратить бродников против нас. Ты и сам, Аллун, это знаешь.

Роуэн замер. Вот оно: «Зло притаилось под красотой»! Он взглянул на маму и Силача Джона. Неужели они не догадались, что Тимон другими словами передал смысл этой строчки?

По их лицам было видно, что да, догадались. И не только догадались. Они вспоминали видения Шебы. Три воздушных змея. Три воздушных змея бродников. И золотая сова с зелеными глазами...

Роуэн вспомнил слова Огдена: «Золотая долина... Дома раскрашены каждый на свой манер... Перед каждым домом сидит золотая сова, а глаза у нее из изумрудов...»

Он не успел ничего сообразить, потому что из соседней комнаты послышался стон. Джиллер вскочила со своего места и поспешила к Хане и Бри. За ней поднялись и другие.

Голова Бри металась по подушке, из приоткрытого рта раздавались хрипы.

В маленькой комнате было нечем дышать. Тимон рывком распахнул окно. Холодный ночной воздух принес с собой аромат горной ягоды, свежей травы. Было тихо. Совсем тихо.

— Бри, что случилось? — склонилась к нему Ланн. — Отвечай! Ну, давай говори! Попробуй!

Бри медленно открыл глаза. Он недоуменно посмотрел на людей, которые столпились в его крошечной спальне. Потом он повернул голову и увидел, что рядом с ним на кровати лежит жена.

— Хана! — простонал он и протянул к ней руку.

— Она заснула, как и ты, Бри, — сказала ему Джиллер. — Расскажи-ка нам, что с вами

случилось.

— Мы делали забор, — с трудом проговорил Бри. — Вокруг того места, где растет горная ягода. Хотели защитить ее от вороватых бродников, которые могут ночью залезть в сад.

Аллун собрался было резко возразить Бри, но Джиллер предостерегающе покачала головой. Она хотела дослушать, что скажет им садовник.

— Я колья в землю вбивал, — говорил Бри. — Заострял концы, а потом вбивал. Но земля была уж очень твердая — чисто железо. Колья все никак не вбивались, хоть я и колотил по ним изо всех сил. Устал я очень. Когда сел передохнуть, попробовала Хана. Да и у нее ничего не вышло.

Роуэн заметил, что взрослые удивленно переглядываются между собой. Слова Бри всем показались странными. Земля в садах и на огородах была мягкая, жирная. Колья должны были входить в нее легко, как нож в масло.

— Устал я, — рассказывал Бри. — Устал сильно. Прилег отдохнуть. Устал...

Тут его веки сомкнулись, а рот открылся.

— Бри! — крикнул Силач Джон и потрянул его.

Бри не отвечал. Он снова заснул, и вновь разбудить его не удавалось.

— Его зачаровали, — сердито буркнула Ланн, в досаде стукнув палкой. — И его самого, и его жену. Может, бродники и не собираются предавать нас, но вот за горной ягодой они охотятся — это точно. Они сделали так, что земля окаменела и в нее не вбиваются колья. Они усыпили садовников и...

— Ладно, пускай они усыпили садовников! — вскипел Аллун. — Но если даже так... если даже так, Ланн, что с того? Это простой безобидный фокус. При чем здесь зиаки, при чем здесь пророчество Шебы? Вы все уже сами не знаете, к чему бы еще придаться, что бы еще такое выискать, до того вам противны бродники.

— Неправда, Аллун, — сказала Джиллер, взяв его за руку.

— Правда! — крикнул он, вырывая руку.

— Нет! — громынула Ланн, стукнув палкой. — Утомонись, Аллун!

Джиллер тихо вышла из комнаты, Роуэн отправился за ней.

Она наклонилась проверить, крепко ли спит Аннад, а распрямившись, увидела Роуэна. От волнения у нее на лбу залегли морщинки.

— Не нравится мне это, Роуэн, — сказала Джиллер. — Беда уже близко. Мы все спорим и ссоримся между собой, а должны бы объединиться, чтобы защищать друг друга. Только тогда мы будем сильными.

Роуэн кивнул. Его охватило отчаяние. Вспомнились слова Шебы:

Все та же гордость, и промах тот же,
Доспех бесценный забыть негоже.

Значит, об этом говорилось в стихотворении? Если так, то Шеба была права, и круг уже готов сомкнуться. Колесо вертелось, и с каждым мигмом враг становился все ближе. Мальчик вздрогнул.

— Как по-твоему, может, Тимон прав? — тихо спросила мама. — Может, бродники теперь против нас?

— Тогда зачем они сюда пришли? — спросил Роуэн.

— Следить! — ответила Ланн с порога спальни.

Роуэн видел, как она с трудом идет к огню. Выглядела Ланн совсем измученной и тяжело опустилась в глубокое кресло.

— Они пришли сюда, чтобы следить за нами, — повторила она. — Докладывать своим новым друзьям, сколько у нас еды и оружия.

Голова ее опустилась на грудь, и она ее еле подняла.

— Устала, — пробормотала она. — Ох и устала...

Силач Джон быстро пересек комнату и сел рядом с ней.

— Лютики пришли сюда, чтобы следить, — снова сказала Ланн. Тут Роуэн увидел, что глаза ее стали шире. — А может, чего и похуже, — произнесла она совсем тихо. — Она согнулась в своем кресле и обвела всех диким взглядом. — Ах, слепцы! — вскричала она. — Бри... Хана...

Она силилась подняться, но, застонав, опять опустилась в кресло.

— Ланн, что случилось? — в испуге крикнула Джиллер.

Закрыв рот рукой, она бросила взгляд на Аннад, но девочка крепко спала, ни разу не пошевелившись во сне. Она лежала как-то уж очень тихо. Джиллер заволновалась.

— Марли, — простонала Ланн. — Скорей!

Аллун быстро взглянул на нее и подошел к двери. Распахнув ее настежь, он позвал Марли. Но высокая фигура в саду не шевельнулась, и Марли ничего ему не ответила.

Силач Джон и Тимон тоже вышли из дома, а Аллун, не дожидаясь их, уже бежал к Марли. Они слышали, как он звал ее, и голос его звучал все тревожнее:

— Марли! Скажи что-нибудь! Марли!

— Он всю деревню перебудит, — заволновался Тимон.

Но никто не ответил Аллуну. Когда наконец Роуэн, Силач Джон и другие сумели догнать перепуганного Аллуна, они увидели, как он что есть сил трясет Марли, а она стоит спокойно, точно статуя, и глаза ее смотрят в одну точку.

* * *

— Дышит, — сказала Джиллер, склонившись над негнувшимся телом Марли, которую они положили у костра. — Да только...

— Не проснется она, — пробурчала Ланн. — Нас по одному заколдовывать будут. Так задумано. Все заснем — и уж тогда...

Она не успела договорить, как откинулась в своем кресле.

Засел он во тьме — берегись, дурак!

Вскрикнув, Джиллер вскочила и потрогала рукой лоб старой женщины. Та даже не пошевелилась. Крепко сжав губы, Джиллер отвернулась и пошла посмотреть, как там Аннад.

— А почему это никто не пришел узнать, что у нас здесь творится? — вдруг заволновался Тимон. — Аллун орал так, что сюда с десятков человек должны были бы прибежать. Бронден ведь рядом живет. Да и другие тоже.

— Может, не слышали, — мрачно сказал Силач Джон. — Может, заснули крепко. Вот как дети Бри и Ханы. Как сами Бри и Хана. Или как Марли. Или вот как теперь Ланн.

Из угла раздался тихий, сдавленный стон Джиллер. Все оглянулись к ней. Она облизала сухие губы.

— И Аннад, Джон, — прошептала она. — Аннад тоже... как все...

Роуэн почувствовал, как внутри у него все сжалось. Он подбежал к сестре и как следует потряхнул ее. Но малышка не двигалась. Роуэн, сверкая глазами от гнева, обернулся к Аллуну и воскликнул:

— Аллун! Аллун, скажи бродникам, чтобы прекратили свое гнусное колдовство!

Бледный Аллун отступил.

— Этого не может быть... — растерянно сказал он. — Не может...

Он переводил взгляд то на лежащую на полу Марли, то на Ланн, которая дремала в кресле, то на Джиллер, склонившуюся над спящей Аннад.

— Пойду к ним, — тихо сказал он. — Если это делишки моего племени, я остановлю их. Клянусь, остановлю! — Он схватил Силача Джона за руку. — Беги звони в колокол. Да посильнее, чтобы хоть кто-нибудь пришел. Не может быть, чтобы из всей деревни одни мы не заснули этим странным сном.

— Я пойду звонить, — сказал Тимон. — Джиллер и Силач Джон пусть останутся здесь, с теми, кто заснул, чтобы с ними не приключилось чего-нибудь еще. Ты, Аллун, отправляйся в лагерь на холме. Не теряй времени и возьми Роуэна с собой.

— Нет! — воскликнула Джиллер. — Зачем Роуэна?

— Огден познакомился с ним и уважает его за то, что он один одолел Гору, — объяснил Тимон. — Сегодня вечером он увидел в мальчике что-то особенное, и это показалось ему любопытным и даже понравилось. После Аллуна лучше Роуэна с этим не справится никто.

— Да, — согласился Силач Джон. — Роуэн должен пойти. Шеба сказала, что он появляется в ее видениях. Наверное, для него вновь настала пора помочь разгадать эту загадку.

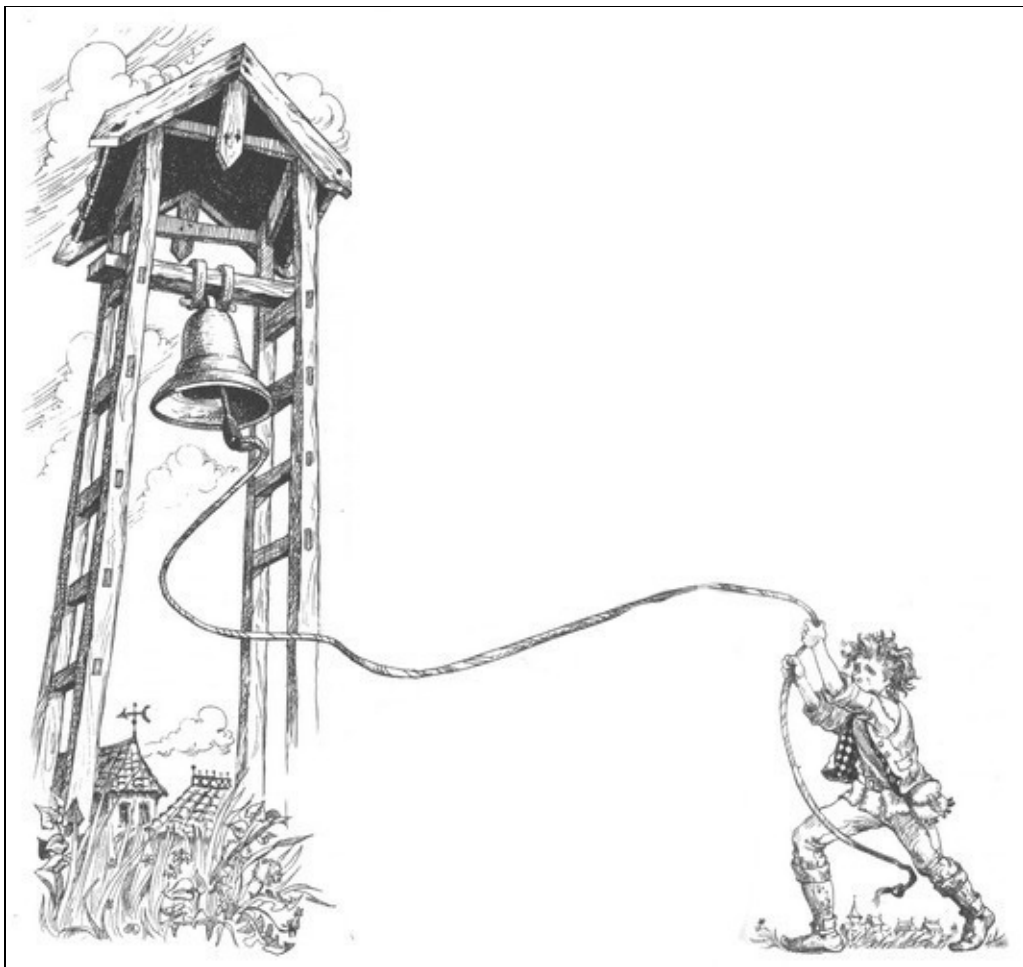
Джиллер кивнула и без сил опустилась на кровать, положив себе на колени голову Аннад. На ней лица не было от усталости. Синие круги под глазами стали черными.

— Мама! Смотри не засни! — осторожно предупредил ее Роуэн.

Аллун потянул его за руку:

— Пойдем. Времени мало!

Они вышли из дома и побежали через деревню. На небе занималась заря. Когда они были уже у деревьев, там, где Роуэну встретилась Шеба, послышался призывный звон набата.

Роуэн представил себе, как Тимон один-одинешенек стоит на площади, сжимает в длинной руке веревку от колокола и звонит, звонит... От этого звона он, должно быть, совсем оглох. Он, наверное, упрямо глядит в темноту и ждет, что кто-нибудь проснется, выберется из постели и придет на его зов.

Роуэн с Аллуном миновали рощицу и двинулись вверх по холму. Роуэн шел, опустив голову, тяжело и часто дыша.

Он услышал, как идущий за ним Аллун вдруг охнул и замедлил шаги.

— Что такое? — еле выговорил Роуэн. — Что, Аллун?

Аллун остановился.

— Видишь? — выдохнул он и протянул вперед руку.

Холм, на котором накануне разбили свой лагерь бродники, стоял голый и пустой. Они ушли.

12. Колесо начинает вертеться

Аллун наклонился и потрогал угли костра, у которого сидел Огден.

— Еще не остыли, — сказал он. — Значит, они не так давно снялись с места.

— Зачем? — воскликнул Роуэн. — Втихаря, ни с кем не попрощавшись!

Аллун ответил, едва разжимая губы:

— Видно, рассердились: думали, что в деревне живут их друзья, а им запретили в нее входить.

Роуэн посмотрел на его лицо. Сейчас, с взъерошенными волосами и черными глазами, которые хранили какую-то тайну, Аллун был гораздо больше похож на бродника, чем на человека из деревни Рин.

— А может, — ровным голосом продолжил Аллун, — они смылись потому, что сделали то, зачем пришли. Может, старуха Ланн и права.

У Роуэна перехватило дыхание.

— Надо возвращаться в деревню, — решил Аллун и пошел вниз.

— Аллун! — позвал его Роуэн. — Что же нам делать?

— Пойдем сначала посмотрим, как там наши матери — моя и твоя, — сказал Аллун, ускоряя шаг. — Возьмем хлеба и воды, а потом отправимся искать бродников и докопаемся, в чем тут дело, пока еще не поздно. Если зиаки идут...

— Но, Аллун, — задыхаясь и стараясь не отставать, ответил Роуэн, — как же?.. Почему?..

Аллун бросил на мальчика быстрый взгляд и, смягчившись, сказал:

— Не спрашивай, Роуэн. Побереги лучше силы. Нам надо торопиться.

* * *

Когда они вернулись в деревню, там было еще тихо. Колокол больше не звонил. Роуэн облегченно вздохнул, потому что с площади раздавались негромкие голоса. Значит, люди просыпались и шли туда. И они не кричали в страхе и ужасе. Нет, они спокойно переговаривались между собой.

— Все в порядке, — возбужденно сказал он Аллуну. — Там люди. Может, Аннад уже проснулась, и Марли, и все остальные.

Но Аллун смотрел печально.

— Подожди радоваться, — сказал он.

Они завернули за угол и вышли на площадь. Тимон все еще стоял рядом с колоколом. Около него было с десяток человек. Из переулков выходили новые люди. С окраин не торопясь приближались другие.

Роуэн был потрясен, когда их увидел. Радостное возбуждение, охватившее его на минуту, сразу пропало. Совсем неправильный это был сход. А он-то возликовал, когда не услышал криков паники. Но ведь привычного гула толпы тоже не было!

И шуму было всегда больше, и жизни. Сейчас бы здесь должны были носиться дети, взбудораженные оттого, что проснулись в неурочный час. Взрослые ходили бы туда-сюда, гадали, зачем это понадобилось будить их ни свет ни заря.

Но ничего этого не было. Дети вообще не пришли на сход. А те взрослые, что появились, бродили словно в тумане. Лица у всех были пустые, а голоса — тихие. Некоторые даже ничего не набросили поверх ночных рубашек, пришли на площадь прямо босиком и стояли, дрожа от холода, лохматые, как привидения.

То ли они проснулись, то ли нет — было не понять. Казалось, их подняли среди ночи и они вот-вот снова погрузятся в сон. Роуэн увидел, как горшечник Нил прерывисто вздохнул и медленно опустился на землю. На булыжнике, которым была вымощена площадь, вряд ли было уютно спать, но горшечник свернулся калачиком, точно на мягкой перине, и закрыл глаза.

Роуэн зажал рукой рот, чтобы не закричать от ужаса.

В три прыжка Аллун подлетел к Тимону и схватил его за руку. Учитель медленно обернулся, и испуганный Роуэн увидел, что его лицо тоже стало бледным и пустым.

Аллун тряс его за руку:

— Тимон! — звал он. — Тимон, проснись! Давай звони в колокол!

Он сам схватил веревку и несколько раз сильно дернул за нее. Громовые звуки колокола понеслись над площадью. Люди поворачивались, сонно хлопали глазами и тут же отводили взгляд.

— Тимон! — кричал Аллун. — Тимон!

На какой-то миг лицо Тимона ожило. Он облизал сухие губы.

— Тяжело, Аллун, — еле слышно сказал он. — Ах, как тяжело... Не могу больше... А все...

И голова его упала на грудь.

Аллун стремительно повернулся к Роуэну.

— Иди со мной, — сказал он.

Они быстро пошли мимо людей, которые, точно в одури, бродили по площади. Никто не смотрел ни на Аллуна, ни на Роуэна. Все только клонилось в сторону, как трава на ветру, и вяло пропускали их.

Дверь пекарни была закрыта. Аллун рывком распахнул ее и через темную холодную кухню прошел в дом.

— Мама! — громко позвал он. Ответа не было. — Мама! — повторил Аллун. — Ты где?

В ответ не раздалось ни звука.

Роуэн беспомощно смотрел, как Аллун бежит из комнаты в комнату, кричит, хлопает дверями. Он увидел, что задняя дверь не заперта, толкнул ее и попал в крошечный ухоженный садик, из которого неслся волшебный аромат. А там...

— Аллун! — выдохнул он.

В старом деревянном кресле, которое стояло на траве, откинувшись назад, сидела Сара, сжимая в висевшей, как плеть, руке перевернутую чашку.

Аллун склонился над ней и трясущимися руками начал ее ощупывать.

— Она сидела здесь с чашкой, когда ты вечером прибежал за мной. Должно быть, ее сморило после того, как я ушел. С тех пор она здесь. Столько времени в темноте и на холоде! Вон как все на ней намокло от росы. — Он закрыл лицо руками и простонал: — Что за напасть такая? Скажи мне, Роуэн, ну что же это за напасть? Как могли бродники это сделать? И с кем — с Сарой, которая их так любила!

Ведь еще вчера она вместе с Огденом смеялась у костра! А теперь — вот...

Он сгреб в охапку обмякшее тело матери и понес его в дом.

— Иди на кухню, возьми там хлеба и воды, — велел он. — Да шевелись, Роуэн, шевелись! Надо поскорее дойти до Джона и всех остальных, а потом отправиться вслед за бродниками. Надо успеть, пока нас тоже не сморило, тогда уж во всем Рине больше никого не останется. Солнце встает. А враг...

Но Роуэн уже был на кухне. Он положил в сумку побольше хлеба и из большой бочки, что стояла у входа, налил во флягу воды. Аллун тем временем укрыл мать одеялом и что-то снимал с ее шеи.

— Аллун, скорей! — поторопил его Роуэн.

Тот разогнулся, сунул руку поглубже в карман и кивнул. Испуганный Роуэн увидел, что и его лицо побелело, а в глазах застыла пустота.

— Аллун! — в страхе крикнул он. — Ты тоже...

Аллун кивнул и слабо сказал:

— Я тоже... Тяжело. Ах, тяжело... Мне...

Роуэн дернул его за рукав:

— Пошли! Пошли скорей в сад! Не стой. Наверное, когда двигаешься, эта одурь не пристает. Пошли!

Он вывел Аллуна на улицу и крепко взял его за руку.

— Бежим! — прошептал он. — Бежим, Аллун!

И они побежали. Роуэн слышал тяжелое дыхание Аллуна. На всех улицах прямо на голых камнях спали люди. Рассвело, и теперь Роуэн ясно видел, какая стряслась беда.

Кто заснул, сидя на стуле в саду, как Сара. Кто лежал у колодца, раскинув в стороны руки, в которых были зажаты ведра. Спящий булочник Солла наполовину свесился из окна. Ребятишки, еще несколько часов назад слушавшие сказки Огдена, вповалку лежали под Школьным Деревом в тех же одежках, в которых они гостили у бродников.

Роуэн за руку тащил Аллуна за собой. Они осторожно переступали через людей, которых внезапно сморил сон. Тимон все стоял у колокола, держа в руке веревку, и бессмысленно смотрел перед собой невидящими глазами. Роуэн позвал его, но учитель даже не шевельнулся.

Аллун и Роуэн торопились в сторону садов. И тут мальчик увидел, что и с птицами случилась беда.

Они валялись под деревьями, будто прямо во сне выпали из своих гнезд. Клювы у всех были открыты, а ноги торчали, как безжизненные сухие прутьи.

У Роуэна перехватило дыхание. Было похоже, что все живое в Рине околдовали злые чары.

— Звездочка! — прошептал он.

Сердце у него екнуло — он понял, что умное животное предчувствовало беду. Вот почему оно так беспокоилось! Вот почему хотело увести других букшахов!

А он заставил Звездочку вернуться! Надо же было догадаться, что она ни за что бы не ушла без причины, просто так. И зачем только он, глупец, велел ей повернуть назад, где ее ждала беда!

Он всхлипывал, но тащил Аллуна за собой. Они как раз проходили мимо мастерской Бронден. Роуэн приостановился, надеясь, что она ему поможет. Но тут он увидел, что ее грузное тело стоит, прислоненное к дверному косяку. Брови сошлись к переносице, а руки вытянулись вперед, точно она до последнего оборонялась от той силы, что затуманила ее разум и заставила закрыть глаза.

— Роуэн, — тихо сказал Аллун, опираясь на его руку. — Я не могу...

— Можешь, Аллун! — испуганно закричал Роуэн. — Смотри — вон уже дом Бри и Ханны. Пойдем. Нам надо найти маму и Силача Джона. Они нам помогут.

Спотыкаясь, он еле дотащил Аллуна до дома и толкнул калитку, которая вела в сад. И тут стало ясно, что помощи им ждать неоткуда. У распахнутой настежь двери на ступеньках лежали вниз лицом Силач Джон и рядом с ним Джиллер. Оба спали как убитые.

13. Призыв

Роуэн покинул Рин с глазами, полными слез. Они с Аллуном так и не смогли затащить в дом Джиллер и Силача Джона. Даже вдвоем им не хватило на это сил. Поэтому пришлось оставить тела там, где их сморил сон.

Труднее этого Роуэну еще ничего не приходилось делать. Оказалось, что самое страшное — это повернуться спиной к матери, которая беспомощно лежит на траве, и уйти прочь.

И вот теперь он, спотыкаясь, шел вперед, с душой пустой и холодной, как очаг, в котором давно потух огонь. Он не замечал, что у него под ногами. Он не чувствовал, что в лицо ему дует свежий утренний ветерок.

На вершине холма Роуэн остановился и глянул вниз, на долину. Он смотрел на лоскутное одеяло полей, на узкие улочки и ухоженные дома, и сердце у него сжималось от боли. Как хорошо ему жилось, пока среди деревьев он не встретил Шебу. Это было, когда в деревне жизнь еще была ключом.

На лугу, где всегда паслись букшахи, тоже было тихо, и мальчик не удивился этому. Кое-где на траве лежали и спали букшахи. А дальше — и тут он облегченно вздохнул — вверх по реке шли другие животные. И впереди всех была Звездочка.

Видимо, ночью она все-таки решила увести их отсюда. Хорошо, что хоть она не повторила ошибку людей — не стала доверять тем, кто не знал, что у нее хватит мудрости испугаться.

— Роуэн, — услышал он рядом тихий голос Аллуна, — Роуэн, надо идти. Ты прав... Когда стоишь, эта... эта одурь пристает сильнее.

Роуэн кивнул и заставил себя отвернуться от деревни. Он подумал, что, может, больше никогда ее не увидит, но тряхнул головой. Нельзя так думать! Надо шагать вперед!

На него уже начала действовать парящая в воздухе золотая пыльца лютиков. Глаза зачесались, а из носа потекло. «Хватит!» — сказал он себе. Нашупав в кармане пузырек с ненавистным лекарством, он достал его и отпил глоток. Противный кислый вкус обжег язык. Снова вспомнился скрипучий голос Шебы.

А Шебе-то сейчас, наверное, тоже невесело. Может, и она скрючилась у огня в сонной одуре, а зло, которого она так боялась, уже приготовилось показать свой оскал.

Былое зло объявится вдруг,
Сомкнётся навеки недобрый круг...

Сердце Роуэна ушло в пятки, когда до него дошел истинный смысл этих слов. Давным-давно в далекой земле предки жителей Рина были рабами зигаков. А теперь, триста лет спустя, зигаки задумали снова их захватить. Они собрались вернуть их обратно в рабство. Вот тогда и «сомкнётся навеки недобрый круг».

И будет это скоро. Совсем скоро. Если только...

Роуэн так сжал кулаки, что ногти впились ему в ладони. Если только они с Аллуном не успеют найти бродников, не уговорят их разбудить жителей деревни, чтобы больше не вертелось колесо.

Они шли и молчали. Ноги Роуэна уже порядком устали, ведь он не ложился всю ночь.

Но в голове лихорадочно крутились мысли. Сейчас они ступали по колее, которую оставили повозки бродников. Видимо, те прошли здесь много часов назад, потому что трава и лютики уже выпрямлялись и скрывали следы.

А скоро их и совсем не будет видно. Вот что тогда им с Аллуном делать? Ведь даже если они и пойдут по колее, как им нагнать бродников, ведь у Аллуна совсем нет сил идти?

Роуэн взглянул на него. Аллун был весь в поту, но глаза его смотрели вроде немножко яснее.

— Тебе не лучше? — с надеждой спросил Роуэн.

Аллун кивнул:

— Лучше, когда идешь. А тебе как?

— Я совсем не устал, — ответил Роуэн. Его беспокоила одна мысль. — Слушай, я вот чего не понимаю. В Рине все заснули — даже Бронден, даже Джон! Ты наполовину бродник, поэтому, значит, тебя не одолел сон. Но почему и меня тоже?

Аллун покачал головой.

— Так уж захотелось Огдену, — сказал он просто. — Наверное, он решил, что со всеми ты не заснешь, а какая-нибудь беда стрясется с тобой потом.

Роуэн в страхе уставился на него. Вопреки всему, что случилось, в самой глубине души он не верил, что у бродников был злой умысел, когда они всю деревню погрузили в сон. Он цеплялся за надежду — теперь это ясно, — что бродники хотели преподать им урок. Да, страшный урок, но такой, который можно выучить, понять и за это быть расколдованным.

От слов Аллуна ему стало страшно. Он закусил губу, чтобы не разреветься, и побрел дальше.

Вдруг Аллун остановился, оглянулся и сунул руку в карман.

— По-моему, мы уже далеко отошли от деревни, — сказал он. — Да, Роуэн? Ну-ка посмотрим, выйдет у нас или нет.

Он раскрыл ладонь. На ней лежал скрученный в жгут платок из выгоревшего шелка в клеточку — свадебный платок Сары. Роуэн всегда видел его у нее на шее, но никогда не замечал, что к нему подвешена какая-то маленькая коричневая штучка. Значит, Сара скрывала ее под одеждой, догадался он.

Затем он увидел, как Аллун поднес эту штучку к губам и дунул в нее.

Роуэн ничего не услышал. Но он сразу понял — это была камышовая дудочка. Аллун сигнализировал бродникам.

— А я и не знал, что у Сары есть дудочка из камыша, — прошептал мальчик.

Аллун опустил дудочку.

— Об этом никто не знал, — сказал он. — Матери дали ее, когда много лет назад она ушла от бродников. Бродники велели звать их, только когда придет беда, — тогда они явятся на помощь. Откуда хочешь. В любое время дня и ночи. Только вот до сегодняшнего дня дудочка ни разу не пригодилась.

— А они точно придут? — спросил Роуэн. — Даже если...

Аллун понял, о чем подумал Роуэн. Даже если беда приключилась с Сарой из-за самих бродников?

— Они дали слово, — мрачно сказал Аллун. — И если они его не сдержат...

Роуэн, медленно поворачивая голову, всматривался в горизонт. На севере и востоке над золотыми от лютиков полями нежно голубело утреннее небо. Позади, на западе, вздымалась белая шапка Горы. Рядом, чуть к югу, мрачно вырисовывались зубчатые скалы и пещеры...

Он вскрикнул и указал на что-то рукой.

Три цветные точки хорошо виднелись на серо-коричневом фоне и приближались к ним.

— Предвестники! — воскликнул Аллун. Роуэн заметил, что на миг он прикрыл глаза, точно благодаря кого-то. — Они слышали. Они идут.

* * *

Предвестники замедлили свой полет и легко приземлились.

— Приветствую тебя, Аллун, сын бродника Форли, — сказала Зеел. — Приветствую и тебя, Роуэн, пастух букшахов.

Она выступила вперед и одной рукой сложила за спиной воздушного змея. Двое мальчиков остались в стороне и молча смотрели на них.

— Приветствуем вас, — ответил, помолчав, Аллун. — И благодарим, что слышали наш призыв.

— Где Сара? Зачем вы позвали нас? — спросила Зеел.

— Саре нехорошо. Мне надо поговорить с Огденом, — ответил Аллун.

Предвестница покачала головой.

— Огден сейчас с племенем, — холодно ответила она. — Он не может прийти.

Аллун шагнул вперед.

— Мне очень надо поговорить с ним, Зеел, — настойчиво повторил он. — По праву моей крови. По праву имени моего отца. И еще по старому уговору. Он обязан меня выслушать.

Аллун нагнулся, сорвал листик лютика и протянул его девочке.

Зеел с неудовольствием посмотрела на него. Потом взяла протянутый ей листик, поднесла свою дудочку к губам и дунула. На мгновение она замерла. Потом нахмурилась и, потряхнув головой, отбросила непослушные кудри со лба. «Сейчас она послала весть и слышала ответ», — удивленно подумал Роуэн. А он ничего не слышал. Совсем-совсем ничего.

— Огден согласен на встречу, — неохотно сказала девочка. — Но сам он не может к вам прийти. Вы пойдете к нему?

— А это далеко? — не выдержал Роуэн.

— Нет, — ответила Зеел. Глаза у нее были тусклые и холодные. — Вы полетите с нами, с предвестниками. Бродники вызовут ветер.

Она повернулась и зашагала обратно к своим спутникам, которые уже расправляли воздушных змеев.

Роуэн и Аллун молча смотрели на нее. Она обернулась и скомандовала:

— Пошли! Ветер уже меняется. Пора. Огден ждет вас.

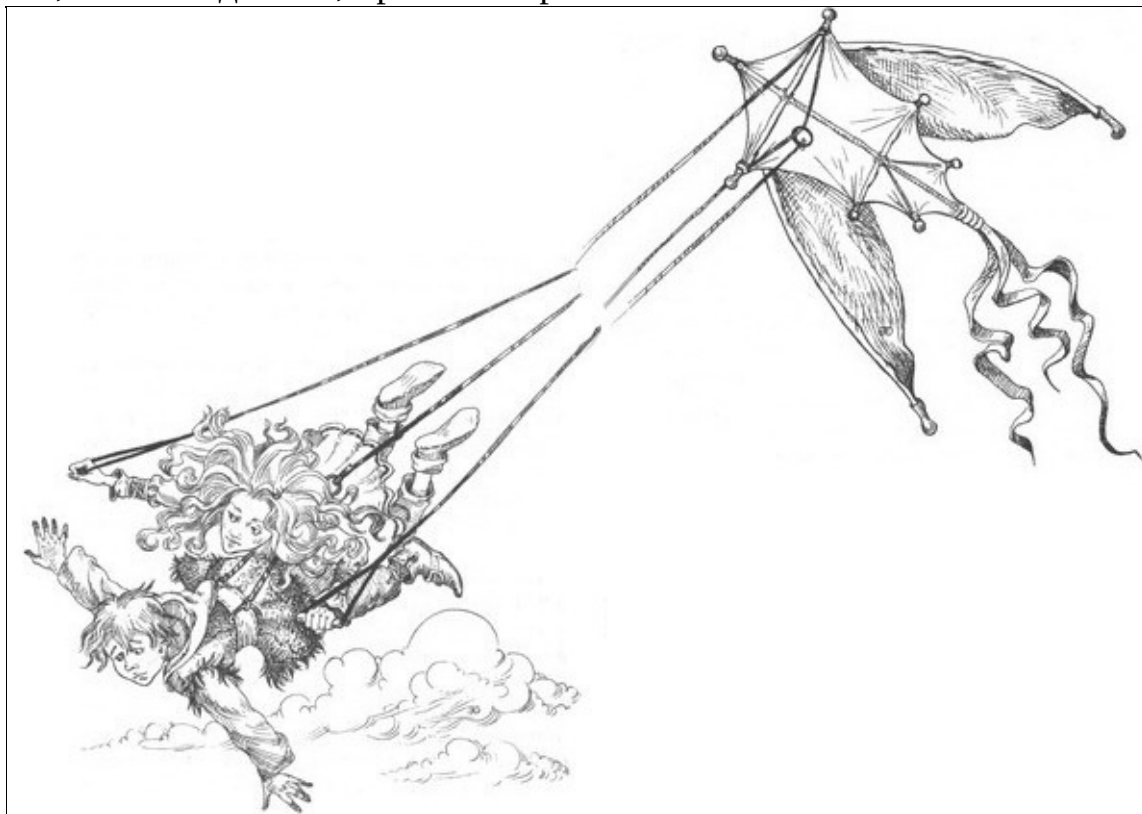
Она приостановилась, и по тронутому легким загаром лицу пробежала тень. Тень страха.

— Огден ждет вас, — повторила она. — Он ждет вас у провала Унрин.

14. Гром среди ясного неба

Ветер свистел у Роуэна в ушах и путал его волосы. Ребра стискивал толстый кожаный пояс, которым он привязался к Зеел и воздушному змею. Внизу быстро-быстро неслась назад земля. Уже на горизонте остался холм, где они встретились с предвестниками. Спустя несколько минут к ним вплотную придвинулись далекие серо-коричневые скалы.

Вот, значит, что такое лететь, точно птица. Но Роуэну сейчас было не до новых ощущений, его одолевали тысячи мыслей — о маме, Аннад, Шебе, зобаках, бродниках, Огдене, тайнах, Золотой долине, провале Унрин...

Пока воздушный змей скользил по ветру, ум мальчика напряженно работал. Провал Унрин — это ведь не только легенда. Не только сказка. Такое место есть. И туда Огден повел бродников. Зачем? Наверное, Тимон правильно догадался. Зобаки обещали бродникам показать, как безопасно преодолеть этот проклятый провал, чтобы оказаться в Золотой долине.

Неужто бродники разбили лагерь с новыми друзьями? И злобные зобаки, изображения которых Роуэну случалось видеть в книгах, лстиво улыбаясь, что-то нашептывают на ухо Огдену?

Неужели ветер нес их с Аллуном навстречу беде? Неужели они погибнут и с ними умрет последняя надежда Рина?

Провал Унрин. Сказка о тьме, которая охраняет свет — Золотую долину. Он часто слышал эту легенду от Огдена. Даже теперь ему вспоминались тихий голос сказочника, вечерний костер и дети, слушавшие открыв рот: «И охраняет Золотую долину страшный провал Унрин. Это место зла и тьмы, место смерти, страха и ужаса. Желаю вам, дети, никогда его не увидеть».

Вскоре после того, как Роуэн впервые услышал об этом Унрине, он проснулся ночью от страшного сна. Тогда он был совсем маленьким и еще был жив его отец. Когда отец вошел в

комнату, от него пахло мылом, чистым полотенцем, теплом от огня.

Отец обнял Роуэна, выслушал испуганного мальчика, поправил подушку и снова уложил его спать.

— Не бойся, малыш, — спокойно сказал он. — Никакого провала Унрин нет и в помине. Это все сказки.

— А если он есть? — хныкал маленький Роуэн. — А если не сказки? А вдруг мне надо будет туда идти?

Отец улыбнулся.

— Тебе никогда не надо будет туда идти, Роуэн, — ответил он. — Обещаю.

Тогда отец Роуэна думал, что говорит правду. Да и как могло быть иначе? Трудолюбивые жители Рина не тратили времени на бесполезные хождения по пустынным землям там, за Горой. Если они и пускались в путь, то шли к востоку, на берег Моря, чтобы торговать. Что за земля лежит на западе, было для них загадкой. Об этом редко задумывались, а разведать и вовсе не пробовали.

«Ты, отец, и представить себе не мог, что мне придется идти в эту землю», — думал Роуэн, боязливо поглядывая вниз, потому что теперь воздушный змей начал спускаться. Этого никто не мог знать. Да и кому бы и на что сдалась эта каменистая пустыня и ужасный провал Унрин?

Жесткая земля, на которой росли чахлые колючие кусты, кое-где лютики и острая трава, бежала навстречу его болтавшимся в воздухе ногам.

В тени Горы он заметил шатры бродников и потом людей, которые, собравшись группками, молча смотрели на них. Он увидел, что Огден одиноко стоит в стороне рядом с небольшой пирамидкой, сложенной из грубых камней.

А зибак тоже здесь? Роуэн вертел головой, ища какой-нибудь знак их присутствия. Ничего не было видно — ни людей в шлемах, ни оружия, ни грозных военных машин. Может, зибаки прячутся неподалеку? А может, они уже идут полным ходом в Рин, а бродники поджидают их тут, чтобы потом получить свою награду за измену?

Думать дальше было некогда, потому что как раз в этот момент ноги Роуэна поехали по земле, да так быстро, что у него застучали зубы, а пяткам стало больно. Но наконец Роуэн сумел остановиться.

Что ожидало его в этом жутком месте?

Он не шевелился, пока Зеел отстегивала ремень, который привязывал его к змею. Потом вдруг его всего затрясло. Аллун опустил ему руку на плечо, и у мальчика чуть не подогнулись коленки.

— Аллун... — задыхаясь, начал он.

— погоди, — тихо ответил бледный как полотно Аллун.

Зеел подошла к Огдену и что-то ему показала. Это оказался листик лютика, который дал ей Аллун.

Огден взял его, взглянул на Аллуна и не спеша пошел к нему.

— Приветствую тебя, Аллун, сын бродника Форли, — произнес он. — Что тебе нужно от меня?

— Время не ждет, Огден, — ответил Аллун. — Сейчас объясню.

Огден поднял брови, но по его темным глазам ничего было не понять.

— Объясни! — потребовал он.

Аллун со значением посмотрел на листик лютика, который Огден держал в руке.

— Наши племена дружили три сотни лет, — сказал он. — Три сотни лет наши судьбы были связаны, и мы, два разных народа, были едины.

Огден слушал его молча. Его тонкие смуглые пальцы быстро вертели листик лютика.

Аллун вскинул голову.

— Во имя нашей старой дружбы, бродник Огден, я прошу тебя снять с людей Рина то проклятие, которое ты наложил на них, — сказал он. — Если мы в чем ошиблись, то просим прощения. Что можем, то сделаем для...

— Стой! — громко прервал его Огден и поднял руку.

Глаза его сверкнули. Зеел вместе с другими предвестниками поторопилась к нему.

Аллун отшатнулся и сразу же замолчал. Роуэн подошел к нему и взял его за руку. Сердце у него прямо выскакивало из груди. Таким он Огдена — веселого сказочника — еще никогда не видел. Сейчас тот был хмур, рассержен и очень зол.

— Что ты несешь?! Какое такое проклятие?! — гневно воскликнул он. — Врешь ты все! Что ты задумал? И кто тебя сюда заслал?

Аллун стоял точно громом пораженный. Он хотел было что-то сказать, но слова не шли из его уст.

Все та же гордость, и промах тот же,
Доспех бесценный забыть негоже.

— Мы правду говорим! — не выдержал Роуэн.

Он знал, что ему не положено вступать в разговор, когда беседуют взрослые, но не мог спокойно стоять и слушать обвинения во лжи.

Черные глаза Огдена свирепо глянули на него. Роуэн заставил себя продолжать.

— Все в Рине... все болеют из-за того, что вы наделали, — сказал он. — Мы с Аллуном ушли, чтобы... чтобы найти вас. Просить, чтобы вы перестали...

Тут к его глазам подступили слезы. Он сдерживался, как только мог, но слезы вырвались наружу и градом покатались по щекам.

— Букшахи знали, что придет беда, — всхлипнул он. — Они слышали ваши дудки... они, наверно, поняли, что вы задумали. Звездочка хотела мне рассказать, а я не стал ее слушать. Она увела все стадо подальше от деревни, вверх по Реке. Она всех спасла, только нескольких маленьких телят не сумела. А люди — мама, сестренка... Они там лежат совсем беспомощные. И когда придут зибак...

У Роуэна комок подступил к горлу.

— Помогите, ну пожалуйста, помогите, — только и смог он сказать. — Нельзя, чтобы пророчество стало правдой. Нельзя!

Выражение лица Огдена изменилось. Теперь, казалось, он не столько разгневан, сколько удивлен. Он внимательно посмотрел на предвестников, которые молча стояли рядом с ним.

Два мальчика, казалось, тоже ничего не понимали. А вот Зеел нахмурилась и неодобрительно покачала головой.

— Это уловка, — сказала она. — Что ты слушаешь этого мальчишку? Его заслали, потому что он тебе понравился, когда ты вчера вечером с ним познакомился. И этого, другого, тоже заслали: у него есть дудка — он наполовину бродник. — Она заговорила

громче: — И если эта так называемая болезнь — проклятие, почему они двое не заболели? Да потому, что никакой болезни вообще нет, а их послали, чтобы они нас выследили!

— Неправда! — выкрикнул Роуэн, бросая яростные взгляды то на Аллуна, то на Огдена. Да что же это такое? Похоже, бродники думают, что жители Рина — предатели. Огден молчал.

— Зря мы ответили на их призыв, — не унималась Зеел. — Конечно, враги следили за нашими воздушными змеями. А вы теперь еще возитесь с этими лазутчиками. Они нарочно нас задерживают! Именно этого они и добиваются! Мы теряем драгоценное время! Вперед! Вперед через провал Унрин в Золотую долину, как мы и собирались. Потом будет поздно!

У Роуэна все внутри сжалось. Он внимательно смотрел на Зеел, приемную дочь Огдена. Под прямыми черными бровями он видел ее светлые глаза. Он видел, какая она рослая и широкоплечая. Сейчас, когда она была в гневе, с ее лица словно спала маска.

Да если убрать перья, цветы, длинные волосы, смуглые босые ноги и пестрый шелк, а вместо всего этого представить себе узкую одежду серого цвета, тяжелые башмаки, черную полоску на лбу от волос до носа, Зеел окажется точно такой, какими в книгах изображают зигаков. Самой настоящей девочкой из этого племени.

Он показал на нее рукой и крикнул:

— Это ты! Это ты — враг! Ты — лазутчик! Это ты нашептала ядовитые речи бродникам и предала всех нас. Ты все это наделала! Ты!

15. Тьма и свет

Роуэн бросился к Зеел, но успел заметить, как она удивлена его яростным порывом. Он кинулся к ней с кулаками, она же стояла совершенно спокойно, даже не делая попытки защититься.

Огден вцепился в мальчика, оттащил его назад и велел ему успокоиться.

Роуэн попытался вырваться из железной хватки, он задыхался, кашлял, все еще находясь во власти гнева, который не отпускал его. В ушах шумело, поэтому он не сразу разобрал, что говорит ему Огден.

А тот кричал:

— Ты ошибся, Роуэн. Послушай меня! Послушай!

Постепенно Роуэн пришел в себя. В нем утих гнев. Он больше не вырывался, а стоял, замерев, рядом с Огденом.

— Вот так-то лучше, — сказал Огден. Он посмотрел на Аллуна, и впервые его лицо просветлело. — Этот парнишка из Рина гораздо сердитее, чем кажется, — сказал он с легкой усмешкой. — Теперь понятно, почему ему покорились даже Гора.

— Вот и правильно, что сердитый, — сказал Аллун, даже не улыбнувшись в ответ. — Я, слепец, ничего не заметил. Ваша предвестница Зеел — из зигаков. И вы прекрасно это знаете.

— Я о своем племени знаю все, — тихо сказал Огден. — Зеел — найденыйш, мы подобрали ее на берегу Моря и взяли с собой. Родом она из зигаков, это точно. Мы-то это сразу поняли, хотя особо об этом не распространялись. Боялись, что, например, водяные люди могут поступить так же, как сейчас наш юный друг Роуэн.

Он сжимал плечо Роуэна, и голос его был грустен.

Роуэн смотрел на Зеел. Она стояла гордо, не отводя глаз, но в них виднелась боль. Мальчик пытался заставить себя опять разозлиться, но сделать этого никак не мог.

— По происхождению Зеел из зигаков, а по воспитанию — из бродников, — продолжил Огден. — Она наша. Она, если надо, умрет за нас. Если и есть у нас враг, то это не Зеел. Даже не думай. Зеел не сказала бы мне ничего, во что бы сама не верила. — Он сдвинул брови. — Знайте и другое, жители Рина. Бродники не причиняли никакого вреда своим друзьям.

— Так почему же вы пришли, когда вас никто не ждал, и ушли так же внезапно? — спросил Аллун.

— Мы пришли, когда почуяли, что в вашей земле что-то не так, — без затей ответил Огден. — Мы почуяли беду. Вот и пришли к вам, потому что вы друзья, чтобы посмотреть, уж не случилось ли с вами чего. Но вы нас неласково встретили. Мы поняли, что за улыбками скрывается гнев. Нам запретили входить в деревню и велели остаться на холме.

— Но это же из-за горной ягоды! — воскликнул Роуэн.

Огден удивленно замолчал.

— Только-то? — сказал он наконец. — Неужели из-за какой-то там ягоды ваше племя закрыло для нас свои сердца? — Он нахмурился. — Боюсь, пастушок, ты ошибаешься. Ты, наверное, чего-то не знаешь. Чего-то самого...

Аллун замотал головой.

— Нет, Огден, — вздохнул он. — Все Роуэн знает. Жители Рина — это и впрямь трудно

понять — хотели сохранить в тайне свою горную ягоду. Они хотели собрать большой урожай, да так, чтобы об этом никто не прознал, и в следующем году повыгоднее продать его на побережье.

Огден с изумлением слушал его.

— Да какая же это тайна, Аллун? — спросил он. — Мы знали о ягоде еще тогда, когда до Рина был день пути. Мы слышали ее запах. Мы видели пятна от ее сока на перьях птиц. И кому это в голову пришло делать тайну из еды, чтобы от этого выгадать? Ты точно знаешь...

— Точно, — твердо ответил Аллун. — Если вы почувствовали, что жители Рина чего-то недоговаривают, так причина была только в этом. Вот и все.

Огден посмотрел на трех предвестников, но те, казалось, были поражены даже больше, чем он.

— Просто невероятно, — пробурчал он. — Никогда я не пойму народ твоей матери, Аллун. Никогда, хоть сто лет проживу. — Он развел руками. — А мы-то что подумали: вы с зибакками объединились против нас. Вот мы и решили сняться с места, не дожидаясь, пока они придут. И мне показалось, что надо идти сюда. Это место словно позвало меня. А когда земля зовет, я всегда ее слушаю.

Он оглядел суровые голые скалы, что вздымались вокруг.

— Не знаю почему, но Золотая долина уже давно не выходит у меня из головы. Я, кажется, так и вижу ее перед собой. Вот я и подумал: может, меня тянет сюда, потому что для бродников настало наконец время снова найти своих старых друзей. Вместе мы сможем одолеть врага, вы-то ведь нас оставили.

— Так вы хотите отыскать долинный народ? — прошептал Роуэн. — А разве Золотая долина есть? Я думал...

— Ты думал, что это всего лишь сказка? Ты не один такой, пастушок Роуэн! Но теперь-то ты, конечно, знаешь, что любая сказка — это шелковая нить, намотанная вокруг жемчужного зерна истины. И провал Унрин тоже есть.

Тут лицо его потемнело, и он оглянулся.

Роуэн посмотрел туда же, но не заметил ничего нового — те же зубцы скал и где-то далеко золотистый утес, круто взмывающий к небу.

— Провал Унрин лежит вон там, за каменным холмом, — сказал Огден. — И наши легенды говорят, что он охраняет Золотую долину. Мы все в это верили и сейчас верим. Предвестники много раз пролетали над провалом. Но много ли с воздуха разглядишь? Значит, мы должны до него дойти и разыскать тайный путь к своей цели.

— Но провал Унрин — запретное место, — горячо возразил Аллун. — У бродников закон: туда ходить нельзя.

Огден кивнул и помрачнел:

— Нельзя — рожденным в племени бродников. А вот, — и тут он посмотрел на Зеел, — зибакки могут туда ходить, сколько им вздумается. Я и подумал: может, Зеел поэтому к нам и подбросили. Может, так давно было решено, что она, а вместе с ней и мы дождемся своего часа.

Зеел гордо подняла голову.

Роуэн с трудом подобрал слова, чтобы высказать то, что было у него в голове:

— Так, значит, это не вы... ну, то есть не бродники... заколдовали деревню?

— Нет, конечно! — решительно сказала Зеел, которая сейчас и впрямь казалась истинной дочерью бродников. — Огден же сказал тебе!

Роуэн почувствовал, что краснеет, но заставил себя продолжать.

— Так как же это случилось? — не отступал он. — И почему?

Огден задумчиво почесал затылок:

— Не знаю... — И тут глаза его сузились. — Что ты там говорил о стихотворении? Что за стихотворение такое?

— Наша мудрейшая Шеба прочитала его Роуэну в тот день, когда вы появились в Рине, — объяснил Аллун. — Еще и поэтому я... ну, то есть мы... подумали, что вы нас выдали зибакам. Там все сходилось.

Огден нахмурился:

— С чем что сходилось? Ладно, прочитай-ка мне его, раз уж оно нам всем так напакостило.

Роуэн снова покраснел, но послушался и громко произнес слова, о которых не мог вспоминать без страха:

Зло притаилось под красой,
Жди — повернется колесо.
Все та же гордость, и промах тот же,
Доспех бесценный забыть негоже.
В засаде прячется тайный враг,
Засел он во тьме — берегись, дурак!
День ото дня он сильнее и сильнее.
Когда ж он покажется средь людей,
Былое зло объявится вдруг,
Сомкнётся навеки недобрый круг...

Роуэн замолчал. Огден подождал немного и повернулся к Аллуну.

— Понятно, почему вы попались, — сказал он и некоторое время помолчал. — Это же загадка. И из нее я понял только одно. Чтобы защититься от беды, ищите ответ в прошлом.

— Вот об этом и говорила моя мама, — вставил Роуэн. — И Ланн сказала, что стихотворение это о том времени, когда мы были рабами зибак, и оно предупреждает нас, что это повторится снова, если мы забудем старые уроки.

Огден кивнул:

— Может, оно и так, да мне кажется, что не похоже. Оба наших племени боятся зибак. Но, видно, у нас есть еще один общий враг.

— Кто же это? — спросил Роуэн. — С тех пор как мы пришли в Рин, у нас не было других врагов.

Огден задумчиво посмотрел на него:

— Ну да. А тайный враг, который был здесь до того, как вы пришли, и есть сейчас, но до сего дня он не показывался ни нам, ни вам? Древний враг этой земли и ее людей. Враг, который будет ждать, сколько надо — тысячу лет, две тысячи, десять, а потом внезапно нападет. Кто он, как ты думаешь?

Огден склонил голову и закрыл глаза. Все ждали. Роуэн затаил дыхание. Лицо Зеел было таким спокойным, что казалось маской.

Но вот наконец Огден поднял глаза.

— Вот что я надумал, — сказал он. — Я послушал свое сердце и пришел сюда, потому что в этом месте, как говорили, бились великаны Инспрея и здесь пропала чудесная долина. Меня тянуло сюда, да и до сих пор тянет. Это сильнее меня. Я знаю — здесь мы найдем то, что ищем. — Он обернулся к Зеел. — Готовься, предвестница. Вот твое желание и сбудется. Ты отправишься искать Золотую долину. Не испугаешься?

Она, побледнев, кивнула.

— Ее охраняет провал Унрин, — продолжил Огден. — Провал Унрин — это страшное место. Не трусишь? — вновь спросил он Зеел.

— Нет, — тихо ответила она.

Огден посмотрел на листик лютика, который до сих пор не выпускал из рук.

— Ты из племени зибаксов и ты настоящий воин, моя приемная дочь Зеел, — сказал он. — Но ты и предвестница бродников, тебя учили храбро идти навстречу неизвестному, защищать племя и вести его за собой. А вот Тор и Митрен, — он взглянул на двоих мальчиков-предвестников, которые скромно стояли рядом, — твои всегдашние спутники, на сей раз не смогут полететь с тобой.

— Понятно, — сказала Зеел.

— И все-таки я не хочу, чтобы ты в одиночку встретила со злом. Поэтому я нашел тебе спутника. Он поможет тебе, и это еще раз докажет всем, что дружбу наших племен ничто не расстроит. Он тоже слушает свое сердце, и он доказал, что умеет побеждать страх и преодолевать опасности, которые встречаются на пути.

С этими словами он повернулся и передал листик Роуэну.

16. Наваждение

Они молча взбирались вверх по скалам. Дойдя до вершины, Зеел обняла Тора, Митрена и Огдена.

— Увидимся, — сказала она каждому из них.

И они, глядя ей прямо в глаза, сказали в ответ то же самое.

Аллун на прощание сжал руки Роуэна.

— Поосторожнее там, — сказал он. Потом обнял мальчика, прижал его к себе и сказал еще раз: — Поосторожнее.

— Вам пора, — тихо произнес Огден. — Слушайте свои сердца. Они и поведут вас. Мы будем ждать, когда вы нас позовете и скажете, что все хорошо.

Роуэн и Зеел начали спускаться вниз.

Роуэн оглянулся, и перед глазами у него все поплыло. Не потому, что спуск был крутым или путь слишком тяжелым, нет. За каменным холмом еле видимая тропа плавно шла под уклон, и прямо под ноги стелился мягкий ковер из лютиков и травы.

Голова закружилась оттого, что ему стало страшно. Нет, не страшно — жутко. В самом низу склона и было то самое место, где, он точно знал, гнездились зло, хоть название этого места никто и никогда не произносил вслух. От одного взгляда вниз в сердце заползал мерзкий холодок.

Там, внизу, росли короткие раскидистые деревья. Но были они неприветливые, даже грозные. Перекореженные толстые черные стволы торчали из мертвой серой земли. Мрачные лиловые листья тихо подрагивали от легкого ветерка.

То там, то здесь между корней поднимались и плавали облачка желтого тумана. И всюду был такой мерзкий запах, какого ему никогда в своей жизни не доводилось вдыхать. От него щипало в носу, и даже одежда им пропиталась. Роуэна тошнило от отвращения.

Он посмотрел на Зеел, которая упрямо спускалась по склону. Она была в мягких башмаках, поэтому ее ноги не скользили по каменистой земле. Трава и лютики, казалось, сами стелились под ноги, чтобы ей легче было ступать.

Они не разговаривали. Зеел даже не улыбалась ему. Ей не нравилось, что они шли вместе. К своей заветной мечте она хотела добраться одна.

Аллун тоже был против того, чтобы Роуэн шел с ней.

— Роуэн ведь мальчишка, Огден, — попробовал возразить он. — Я вполне могу пойти вместо него. Я такой же житель Рина. Если я, а не Роуэн, отправлюсь с Зеел, ты точно так же убедишься в том, что дружба между нашими племенами все такая же крепкая, как была.

Но Огден, не соглашаясь, качал головой.

— Пастушок Роуэн почти ровесник Зеел, Аллун, — ответил он. — И он единственный из вас, кто сумел взойти на Гору. Я ему очень доверяю — он умеет чувствовать землю. И я знаю, что правильно выбрал его. Я хочу, чтобы только он, и больше никто, пошел вместе с Зеел.

Роуэн спотыкался на скользкой земле, старался не падать, ведь в спину им смотрели Огден и Аллун да еще двое предвестников — Тор и Митрен.

Он задыхался чаще, потому что впереди показалась мрачная роща Унрин, хотя отвратительный запах и полз ему навстречу. Они спустились уже почти на самое дно, и Роуэн от всей души хотел только одного — чтобы Зеел с ним заговорила. Хоть бы слово

сказала. Уж очень тяжело было все время бояться одному.

И тут, словно прочитав его мысли, она повернулась к нему и небрежно спросила:

— Что, страшно?

Он чуть было не соврал, но прикусил язык. По нему, наверное, и так все видно.

— Страшно, — ответил он. И спросил без надежды на ответ: — А тебе?

Она гордо взглянула на него:

— Ты ведь помнишь, я из зибак. Зибак никогда не признаются в том, что им страшно. — Потом она вдруг улыбнулась и на какой-то миг стала похожа на Аллуна. — Но я еще и бродник. И, как бродник, скажу тебе: да, да, да! Еще как! — Она помолчала и добавила: — Бродники не врут, особенно если в этом нет смысла.

Роуэн почувствовал, как его заливают волна благодарности. Как хорошо, что он не один. Он широко улыбнулся Зеел, хотя сердце прямо выпрыгивало у него из груди.

Они шли по узкой полоске ровной земли, которая отделяла каменистый склон от рощи. Веселые желтые лютики под ногами словно поддразнивали их. Роуэн и Зеел, проходя, мяли цветы, но те упрямо распрямлялись и тянулись лепестками вверх, к солнцу. Провал Унрин вовсе их не печалил и не пугал. Беззаботно подступали они к самой кромке зловещей рощи.

Но Роуэн заметил, что дальше, под деревьями, их уже не было. Там, где начиналась роща, не росли ни трава, ни цветы. Казалось, жизнь кончается там, где начинается Унрин.

Кругом торчали безобразные приземистые деревья и было тихо. Совершенно тихо. Ни одна бабочка не порхала среди этих скособоченных стволов. Птицы не вили здесь гнезд и не сновали в поисках семян или каких-нибудь букашек. Даже лягушки не квакали в этом смрадном желтом болоте.

— Тут все мертвое, — прошептала Зеел, показывая на серую землю. — И деревья, и все остальное. А вонища-то! — Она наморщила нос.

— Зеел... — задумчиво сказал Роуэн. — Зеел, а ты знаешь, что здесь за опасности?

Она покачала головой:

— Наши сказки об этом не говорят. — Тут она прикусила губу. — Нам известно только, что в этом месте живут чудища. Никто из живых, кто ходил в Унрин, не вернулся назад. Запретное место.

Запретное место...

— Так называют и Гору тоже, — сказал Роуэн. — И все-таки мы всемером пошли туда и все семеро вернулись.

Зеел распрямила плечи.

— Значит, у нас и в Унрине все должно получиться, — стараясь улыбаться, сказала она. — А почему нет? Кто его знает, что в этих сказках правда, а что придумали люди? А может, долинному народу так даже и лучше: пусть все думают, что Унрин — гиблое место. — Она быстро тряхнула головой, как бы убеждая сама себя в том, что права, и сказала: — Ну, двинулись! И так уж вон сколько времени прошло.

Они повернулись и помахали руками тем, кто стоял наверху. Потом нагнулись и нырнули — Зеел первая, Роуэн следом за ней — в ту чащобу, что носила название Унрин.

Медленно ступая вперед, внимательно глядя по сторонам, то и дело отбрасывая со лба волосы, Роуэн все старался зажимать пальцами нос, чтобы не чувствовать страшной вони. Тонкая серая пыль взметалась у него из-под ног. Но внизу, под пылью, земля была тверже камня.

Через несколько мгновений они уже не смогли бы различить тот склон, по которому

только что спускались. Неба тоже не было видно. Ветви переплетались над головами ребят, словно запирая их в тусклый, смрадный и тихий грязно-серый мирок.

— Может, деревья метить? — испуганно прошептал Роуэн. — Как обратно-то выйдем?

— По своим следам и вернемся. Вон как их видно в пыли, — тихо отозвалась Зеел. — Помолчи. Слушай свое сердце. Доверяй ему. — Голос у нее звенел от волнения.

Они шли и шли. Пять минут. Десять. Ничего не происходило. Но Роуэн все время был настороже. Он старался не дышать громко. И ему представлялись разные картины. Все ярче. Все четче.

— Скоро уже, — блеснула глазами Зеел и ускорила шаг. — Золотая долина близко. Я чувствую это.

— И я, — согласился Роуэн.

«...Холодный серебряный источник бьет прямо из-под земли... На деревьях качаются яркие цветные фонарики... Красивый народ — высокий и сильный, умный и добрый... Цветы и плоды, которые растут вдоль дорожек, выложенных драгоценными камнями, а дорожки эти выются по волшебным садам... Дома раскрашены каждый на свой манер... Перед каждым домом сидит золотая сова, а глаза у нее из изумрудов...»

Сказочная страна благоденствия. А охраняет ее роща зла.

Голоса что-то шептали ему из прошлого, на яркие картинки набегала хмурая тень, заставляя его содрогаться от ужаса.

«Это место зла и тьмы, место смерти, страха и ужаса...»

«Не бойся, малыш...»

«А если не сказки? А вдруг мне надо будет туда идти?..»

«Тебе никогда не надо будет туда идти, Роуэн. Обещаю...»

Кто-то смотрел на них. Роуэн чувствовал на себе чей-то взгляд. Кто-то знал, что они здесь. Кто-то их ждал-дождался...

Осознав это, он содрогнулся и еще внимательнее стал смотреть на черные тени между деревьями, на сплетение веток над головой, на желтый туман, который стелился по земле. Но ничего не было видно. Совсем ничего.

И все-таки он не ошибся.

— Зеел, — шепотом окликнул он девочку, которая быстро шла впереди. — Зеел!

И тут под его ногами дрогнула земля. Пыль взметнулась высоко вверх. И он отчаянно завопил: что-то обвилось вокруг лодыжек, сдавило их, и ноги словно вытянуло из тела.

Он упал навзничь, кричал сам и слышал крик Зеел. С ужасом, который нельзя описать словами, он увидел, как из земли, точно огромный слепой червь, поднимается что-то грязно-серое и мерзкий хвост кольцами обвивается вокруг него, чтобы сжать, раздавить, убить.

— Змея! — крикнула Зеел и храбро набросилась на тварь, осыпая ее ударами ножа.

Кольца, словно железные обручи, уже сдавили ноги, живот и грудь мальчика. Он чувствовал, что сил у него осталось совсем немного, что уже почти нечем дышать. Змея тащила его к толстому скрюченному корню дерева, а вокруг него из-под земли поднимались все новые грязно-серые жирные черви и жадно шевелились, точно щупальца морского чудовища, которого Роуэн когда-то видел в книжке.

Перед глазами Роуэна опустилась красная пелена. Чудища Унрина не скрывались в деревьях. Чудищами были сами деревья. Деревья питались живыми существами. Его сейчас душил корень дерева. Другое голодное дерево зашаталось и наклонилось к нему, замерев в предвкушении пищи.

Роуэн пробовал кричать, но голос не слушался его. Он чувствовал, как Зеел борется с деревом, как она старается освободить его. И вдруг ему что-то послышалось. Что-то вроде тихого урчания. Как будто кто-то долго ждал еды и наконец собрался полакомиться всласть.

Голова мальчика оказалась уже около самой земли. Всюду валялись крошечные косточки, перья и сухие шкурки ящериц и прочей живности, которой дерево питалось в ожидании добычи покрупнее. Он заметил, что сзади поднялся грязно-серый червь, и почувствовал, как скользкий вонючий корень прилипает к его лицу и губам.

Едва соображая от омерзения, Роуэн изо всех сил вцепился зубами в самый кончик корня. Он дрогнул, и Роуэн укусил его второй раз, уже посильнее. И тут корень вдруг обмяк, освобождая его из своих объятий. Откуда-то из самой глубины дерева раздался сильный стон. Значит, ему больно? Да как же такое может быть, если даже острый нож Зеел не смог ничего ему сделать?

Но корень уже быстро уползал от него. Не веря своим глазам, мальчик увидел, что и другие корни как бы опадают, высвобождая его руки, грудь и ноги, и снова исчезают в земле. И Зеел уже тащила его за руку и кричала что есть мочи:

— Бежим! Они тут везде. Бежим, бежим, бежим!

17. Спасены

Они бежали в облаке пыли, оступаясь и падая. Корни вырывались из земли и спереди, и сзади, извивались и ползли к ним, пока не стало казаться, что земля кишит грязно-серыми змеями.

Роуэн неся, закрыв глаза, и каждый вдох отдавался болью в покрытой синяками груди. — Скорей, Роуэн! — умоляла его Зеел. — Ты только держись!

В воздухе висела пыль и слышались шорох и треск ненасытных деревьев. Корни свивались под ногами в клубки, выстреливали вперед, точно хлысты, обвивались вокруг коленок, но теперь даже не пробовали удержать беглецов.

Роуэн понимал, что сил у него надолго не хватит. Скоро он совсем запыхается и упадет. И тогда уже...

— Смотри, вон там! — крикнула Зеел и показала куда-то вперед. — Какой-то проход. Наверное, нам туда. Быстрей!

Из плена деревьев они вырвались на полянку — скорее крошечное болотце. Деревья, которые росли вокруг, склонялись над ним, тесно сплетая над их головами свои ветви.

Роуэн и Зеел осторожно пошли по вязкой серой жиже. Пока они пробирались по полянке, мелкие и большие камни, которые засосало болото, больно ранили им ноги.

Добравшись до центра, они остановились, держась друг за друга и еле переводя дыхание.

— Здесь нельзя долго стоять, — с трудом сказал Роуэн. — Они знают, где мы. Они все равно доберутся до нас.

Его трясло. Болотная грязь шевелилась, точно живая. Корни деревьев скользили в ней, как угри, и подползали все ближе и ближе.

— Роуэн, смотри, свет! — воскликнула Зеел и показала куда-то рукой.

Роуэн взглянул, но ничего не заметил. Ничего, кроме грязи, деревьев и отвратительных, змеящихся корней.

Зеел устремилась вперед.

— Вон, вон! Неужели не видишь? Мы уже почти пришли! Роща скоро кончится! Мы уже...

И тут она, не договорив, вскрикнула, потому что оступилась и упала в болото.

Роуэн начал ее вытягивать. Он отчаянно пытался вырвать Зеел из кольца, которым жадный корень уже обвил ее грудь. Ногой он нащупал большой камень. Роуэн с трудом извлек его из болота и начал молотить им корень и даже кусать его.

В конце концов корень дернулся и отпустил свою жертву. Всклипывая и задыхаясь, Роуэн и Зеел двинулись дальше. Роуэн опять взглянул вперед. Теперь он смог рассмотреть то, что гораздо раньше заметили зоркие глаза предвестницы. Впереди поблескивал неяркий свет.

Земля под ногами стала тверже. Болото кончалось. И роща тоже кончалась. Перед ними высился скалистый утес. Под лучами солнца он сиял золотом.

— Зеел! Немного осталось! — подбадривал ее Роуэн. — Зеел, давай быстрее!

Они побежали, распахивая ногами последние цепкие корни, и начали карабкаться по золотистым скалам, а за их спинами все извивались корни и щелкали, точно хлысты. Роуэн обернулся, чтобы запустить в них камнем, который все это время держал в руке.

— Не надо, — остановила его Зеел. — Полезли! Там сверху выступ. Там мы будем в безопасности. Не смотри вниз, голова закружится. Не смотри!

Роуэн, весь в синяках, подтягивался вверх, каждый миг ожидая, что вот-вот вокруг ноги обовьется жирный корень и потянет его назад. Он увидел, что Зеел уже добралась до выступа и, обернувшись, протягивает ему руку.

Из последних сил он подал ей свою, и она вытянула его наверх. Там, на камнях, он упал на спину, и в глазах у него стало темно.

* * *

Открыв глаза, Роуэн увидел над собой голубое небо. Щебетали птицы. Он глубоко вдохнул свежий воздух и тут же скрючился от боли. Казалось, в теле ноет каждая косточка.

— Ну, ты как? — бодро спросила Зеел.

Посмотрев на девочку, Роуэн увидел, что она смотрит на него с тревогой. Он покачал головой и сказал:

— Терпимо.

Он сел и, постанывая, начал отряхивать мелкие камешки и грязь, которая прилипла к рукам. Большой камень, его оружие в битве с деревьями, который он вытянул из болота, так и лежал рядом. Он подобрал его и, положив на ладонь, похлопывал по нему, точно говорил «спасибо».

Девочка, не сводя с него глаз, сказала:

— Ты меня спас. Мой народ перед тобой в долгу.

— Нет, — ответил ей Роуэн. — Ведь и ты меня спасла. Так что мы квиты.

Зеел нагнулась над краем утеса и посмотрела на темневшую внизу рошу Унрин.

— Я не согласна, — сказала она. — Ты спасся сам. Я тебе совсем не смогла помочь. Это ты догадался укусить дерево за корень, и только тогда оно тебя отпустило. — Ее светлые глаза зорко глянули на него. — А ты сильнее, чем кажешься, — задумчиво произнесла

она. — Огден правильно сделал, что отправил нас вместе.

Сдвинув брови, она принялась счищать камешки со своих мягких ботинок, совсем черных и мокрых от грязи.

Роуэн тихонько поглаживал камень. Он был прохладный, гладкий и словно успокаивал руку. Мальчик смотрел, как синенькая птичка порхает прямо над головой Зеел и ощипывает ягоды с куста, который рос прямо из расщелины в скале. Что это за птичка, он не знал.

Мальчик наклонился, чтобы лучше ее разглядеть. И тут он увидел, что она клевала. Перед ним был куст горной ягоды. Теперь он понял, откуда шел сладкий запах.

Рин! Страх пронзил его насквозь. Тот ужас, который они недавно пережили, заставил его забыть обо всем на свете, но тут он вспомнил, зачем они сюда пришли. Зачем преодолели все опасности, которыми пугал их Унрин.

— Зеел, — позвал он ее, попробовал встать, но упал. — Зеел, сколько мы уже здесь? Надо идти дальше. Надо искать Золотую долину. Надо...

Зеел покачала головой. Лицо ее, перепачканное грязью, было печально.

— Не надо, Роуэн, — тихо сказала она.

— Как — не надо?

— Я позвала на помощь бродников. Я им сказала, что мы не справились.

— Зачем?! — Роуэн гневно оглянулся вокруг. — Зачем?! Слушай! Огден говорил, что она здесь, за Унрином. И посмотри — у тебя за спиной растет куст горной ягоды. Как он сюда попал? Значит, давным-давно долинный народ принес его сюда с Горы. Огден говорил, что они на нее поднимались.

— Кажется, даже Огден не знает всего, — возразила на это Зеел.

Но Роуэн не сдавался:

— Но мы уже чувствовали, что долина близко, Зеел. И ты чувствовала, и я. Вход в долину должен быть где-то здесь, у этого утеса! Может...

Зеел снова покачала головой:

— То, что мы чувствовали, нам просто казалось. Воображение разыгралось, и ничего больше. Золотая долина не существует. — Теперь она совсем загрустила. — А сколько раз мы с надеждой смотрели на эти утесы! Какие же мы были дураки! С этого выступа утес хорошо виден, намного лучше, чем сверху. Нагнись, посмотри сам. Там нет никаких пещер, никаких расщелин. Ничего этого там нет.

Роуэн склонил голову, чтобы она не заметила, как он расстроен. Ему не верилось, что такое может быть.

Зеел горько продолжила:

— Значит, Золотая долина — это сказка. Ее никогда не было. И никаким счастьем она нас не одарит. Все это враки: придумали, чтобы маленьким детишкам на ночь рассказывать у костра.

Роуэн по-прежнему держал в руках камень и поглаживал его, точно ждал ответа.

— А может, она просто не здесь, — негромко сказал он. — Может, если мы...

Он замолчал и еще раз внимательно посмотрел на камень в своих перепачканных грязью ладонях.

Сердце у него екнуло, и он, не сдержавшись, вскрикнул.

— Что такое? — отозвалась Зеел и тут же, отбросив в сторону свои башмаки, вскочила на ноги.

Роуэн взглянул на блестящий золотом отвесный утес. Потом опустил глаза на зловещие деревья Унрина и на камень в своей руке. Дрожащей от слабости рукой он потянулся к земле, сгреб с нее пригоршню мелких камешков, еще несколько подобрал со своей одежды и стал перетирать их в ладонях. И когда Роуэн увидел, как из-под слоя черной грязи пробивается яркий блеск, ему опять стало дурно, и он упал на землю.

— Роуэн, ты что? — в испуге вскрикнула девочка. — Ты с ума сошел? Ну и ладно, ну не нашли мы эту Золотую долину. Значит, Огден во всем ошибался. Значит, это была сказка. Да, это плохо для всех нас, — тут ее голос дрогнул, — но и мы, и другие должны с этим смириться. Мы же все равно попробуем помочь твоему народу...

— Огден не ошибался, — перебил ее Роуэн. — Это ты, Зеел, ошибаешься. Золотая долина — это не сказка. Мы нашли ее.

Зеел взглянула на него с недоумением.

— А я говорю, что нашли, — повторил Роуэн, глядя вниз, на черные сплетенные ветви деревьев. — Мы с тобой видели золотую стену. Мы даже залезли на нее. Мы шли по дорожкам из драгоценных камней. Это они прилипли к нашим башмакам и одежде. Мы побывали и у серебряного источника. Это в его грязи и жиге мы так перепачкались.

Он поднял большой камень. Теперь, когда на нем уже не было грязи, он блестел на солнце, и оказалось, что камень — это золотая сова с зелеными глазами.

Роуэн глубоко вдохнул.

— Провал Унрин не охраняет никакой Золотой долины, Зеел, — сказал он. — Провал и долина — это одно и то же.

18. «Когда ж он покажется...»

— Не понимаю! — твердила Зеел, то разглядывая сверкающие зеленые камни, то переводя глаза на темные деревья Унрина. — Как же так? Почему об этом никто не знал?

— Это случилось давно, — ответил Роуэн, припоминая легенду. — Бродники тогда на морском побережье сражались с зибакками. Они вернулись спустя много лет. Здесь уже было новое место, которое они и назвали провалом Унрин. Та долина, которую они прекрасно знали, куда-то исчезла. А тут еще с Горы попадали камни, и все вокруг совершенно изменилось. Может, и сказку про великанов Инспрея придумали, чтобы как-то объяснить эти превращения. Кто его знает?

— А как же долинный народ?! — воскликнула Зеел. — Все считали его таким умным-разумным. Как они допустили, чтобы враг захватил их дом? Как они могли допустить такое? Как тут оказались деревья и почему они сумели так быстро все захватить?

Она подошла к краю утеса и вытянула руку вперед, чтобы определить направление ветра.

— Меняется, — бросила девочка, положив в карман несколько блестящих камешков. — Пошли. Заберемся на вершину утеса и будем ждать предвестников.

Роуэн подобрал золотую сову и сунул ее под рубашку. Вставая на ноги, он заметил, как под кустом горной ягоды сверкнуло что-то ярко-голубое. Он нагнулся.

Это оказалась та самая птичка. Она лежала очень спокойно, с закрытыми глазами и широко распахнутыми крыльями. На грудке ее мерно поднимались и опускались перья. Она глубоко спала.

В воздухе плыл густой аромат горной ягоды. На солнце соблазнительно сверкали блестящие красные плоды.

— Горная ягода, — прошептал Роуэн.

Ему сразу же вспомнилось, как в Рине птицы так же спокойно лежали на траве. Люди падали как подкошенные прямо на улицах и в садах. А ведь они вдыхали запах тех же самых красивых красных цветов на кустах, которые разрослись по всему Рину...

— Зеел! — громко позвал он, резко повернувшись на месте. — Мой народ... да они все заснули от запаха цветов горной ягоды. От их запаха! Вон, видишь, и птичка...

Зеел внимательно посмотрела на спящую птичку, потом подошла поближе и потрогала ее пальцем.

— Кто бы мог подумать? — недоверчиво сказала она, покачав головой, затем перевела взгляд на взволнованного Роуэна и широко улыбнулась. — Роуэн, да не переживай ты, — сказала Зеел. — Не понимаешь, что ли, что это значит? Мы не напрасно шли через Унрин — разгадка стихотворения все-таки здесь!

Она подпрыгнула и схватила его за руку:

— Не бойся! Птичка не умерла, а только уснула. И твой народ тоже спит. Вот вернемся в Рин и повыдергиваем все эти проклятые кусты, ну хоть не все, а сколько сможем. И тогда этой сонной одури больше не будет!

Роуэн недоверчиво нахмурился.

Зеел уперла руки в боки и бросила на него сердитый взгляд:

— Не пойму я тебя! Тебе радоваться надо! Нашли же отгадку! Что удивительного в том, что все это заварилось из-за горных ягод! Гора же — запретное место. Там полным-полно

всяких ужасов и страстей, которых мы и вообразить себе не можем.

— Не верится мне, Зеел, — тихо сказал Роуэн, глядя на спящую пташку. — Не верится мне, что это разгадка. Есть же стихотворение Шебы. И оно сюда не подходит. Там говорится о большом зле, о тайном враге, который засел во тьме. При чем здесь эти кусты? Да и от сонной одури просто так не вылечишься. Нет, здесь что-то другое. — Он произнес:

В засаде прячется тайный враг,
Засел он во тьме — берегись, дурак!
День ото дня он сильнее и сильнее.
Когда ж он покажется средь людей,
Былое зло объявится вдруг,
Сомкнётся навеки недобрый круг...

«Зло притаилось под красой... Засел он во тьме... День ото дня он сильнее и сильнее... Когда ж он покажется средь людей...»

Какая-то мысль забрезжила у Роуэна в голове. Что-то совсем неясное, такое, чего не опишешь словами. Он заморгал, стараясь сосредоточиться. И тут он увидел себя самого — как он стоял на лугу, где паслись букшахи, разговаривал со Звездочкой о бродниках и о том, что пришла весна, смотрел, как из кокона появляется на свет бабочка.

Он вспомнил, как Аннад все приставала: «Почему? Почему головастики едят водоросли, а лягушки — букашек. Почему?..»

Устав ждать, Зеел нетерпеливо вздохнула. Она указала рукой на небо, где хорошо были видны два воздушных змея — белый и красный.

— Это Тор и Миртен, — сказала она. — Нам пора. Постой... я заберу с собой птичку. Если она останется здесь, то умрет от голода.

«Все меняется, — подумал Роуэн. — В природе много загадок и чудес. В свое время одно существо превращается в другое. Вот взрослые ведь совсем не похожи на детей — они по-другому выглядят, по-другому едят, по-другому...»

И тут его осенило. Головастики — в лягушек. Гусеницы — в бабочек...

Зеел наклонилась над маленькой птичкой, которая все лежала под кустом.

— Зеел! — закричал Роуэн. — Отойди!

Земля у них под ногами зашуршала и стала осыпаться. Зеел в ужасе вскрикнула, упала, зажав птичку в руке, и чуть не столкнула Роуэна с выступа.

— Что это? — закричала она, в страхе прижавшись к Роуэну.

Золотые камни сыпались из-под куста горной ягоды и дождем летели куда-то вниз. В утесе открылась глубокая расщелина. Куст горной ягоды страшно трещал, и с его веток осыпались листья и цветы: его словно выталкивало из земли что-то огромное и сильное.

— Лезем! — крикнул Роуэн. — Лезем!

Зеел сунула птичку в карман, и они полезли выше, скользя башмаками по камням и обдирая в кровь ладони.

— Что это такое? — чуть слышно сказала Зеел, обернувшись к Роуэну.

— Это враг, — задыхаясь, ответил он. — Это враг! Зеел, враг — это дерево Унрина. Из кустов горной ягоды вырастают деревья, такие же, как там, внизу. Птицы летят на запах ягод и начинают их клевать. А потом...

С треском, оглушительным, точно пушечный выстрел, раскололся утес, и из-под куста появился черный ствол. Его грязно-серые корни, точно жирные черви, заскользили по земле в поисках жертвы — им нужно было что-то есть.

Зеел опустила руку в карман.

— А птичка-то у меня, — зло шепнула она дереву. — Не отдам! Ничего, перебежешься!

Корни поползли по утесу вверх. Они тянулись прямо к детям.

— Лезем! — отчаянно закричал Роуэн.

Они полезли еще выше. Роуэн смотрел перед собой, стараясь забыть о том, что у него болят ноги и ноет грудь. Он видел, как сверху беспомощно машут руками Тор и Митрен. Он слышал, как сзади корни дерева Унрина разрывают утес и как грохочут камни, разлетаясь во все стороны, потому что новое взрослое чудище появляется на свет из тьмы земли.

Задышавшись, Роуэн карабкался все выше и выше, и ему представлялась только одна ужасная картина. Долина Рин, где нет ничего, кроме безобразных черных деревьев на голой серой земле. Дома и лужайки оплели черные ветви и опутали страшные корни. Спящие люди крепко привязаны к жадным стволам, и из них медленно-медленно уходит жизнь.

Былое зло объявится вдруг,
Сомкнётся навеки недобрый круг...

Нет! Он не может этого допустить! Нельзя, чтобы Рин исчез так же, как когда-то исчезла Золотая долина. Он не позволит, чтобы его народ пропал, как давным-давно пропал тот, другой. На этот раз зло можно остановить. На этот раз...

Тор схватил его за руку и вытянул на утес. Роуэн увидел, как до самого горизонта тянутся поля с зеленой травой и желтыми лютиками. Золотая сова выпала из-под его рубашки и полетела куда-то вниз.

Зеел вылезла наверх и медленно опустилась на землю рядом с Роуэном. Она сидела совсем тихо, точно выбилась из сил. Потом опустила руку в карман и вынула птичку. Та проснулась и, расправив крылья, голубой молнией ринулась на свободу.

— Здорово, — вздохнула Зеел, даже сейчас стараясь быть сильной. — Лети. Пусть это проклятое дерево сдохнет от голода.

— Зеел, вставай, — затормошил ее Роуэн. — Нам пора! Нам надо как можно скорее вернуться в Рин!

19. Скорей!

Они летели. Роуэн — с Зеел, Аллун — с Тором, а Огден — с Митреном.

Всего несколько мгновений понадобилось им, чтобы вернуться к ожидавшим их бродникам. Еще немного времени ушло на то, чтобы рассказать, что с ними случилось. Спустя несколько минут Огден отдал нужные приказы, и третьего змея подготовили к полету.

Но каждый миг был для Роуэна сущей мукой. Он все вспоминал, как мама и Силач Джон неподвижно лежат возле дома Бри и Ханы. Как тихо спит Аннад. И Ланн. А на лужайках, в садах, на ступенях домов, просто на улицах спят другие знакомые с детства люди. И все это время враг прячется во тьме, а горная ягода цветет себе и цветет.

За какое же время из кустика вырастает взрослое дерево? Содрогнувшись, он вспомнил слова Бри: «Земля была уж очень твердая — чисто железо». Твердая, уж очень твердая, — значит, неправильно они подумали, будто ее заколдовали. Нет, это тайно, во тьме проросло взрослое дерево и готовилось...

«Скорее, скорее», — думал он и мечтал, чтобы ветер дул еще сильнее и подгонял воздушного змея. И в то же время ему было страшно даже подумать о том, что он увидит, когда они окажутся дома, в Рине.

— Скоро будем на месте, — крикнула Зеел, но ее было почти не слышно, так как голос относилось ветром. — Садимся на холмы, там место есть.

Роуэн увидел прямо под собой холмы, а далеко впереди — долину. Коричнево-зеленое лоскутное одеяло куда-то делось. Теперь Рин был под покрывалом красного цвета.

Горная ягода цвела везде — она размножилась удивительно быстро. В садах, на лужайках, на полях и в огородах — где только не было этих кустов. Мельничное колесо возвышалось над красным морем, озеро, из которого пили букшахи, окружала алая полоса и тянулась потом дальше, в сады.

— Зеел, что делать? — закричал в отчаянии Роуэн.

Решительное загорелое лицо девочки обернулось к нему, и в светлых глазах он увидел ярость настоящего воина-зибака.

— Хорошо еще, что эта зараза не вышла за пределы долины, — крикнула она. — Значит, будет легче сделать то, что мы задумали. Мы сожжем ее, Роуэн! Сожжем! Сожжем!

* * *

Все вместе они сбежали вниз с холма. Пыльца от лютиков летела Роуэну прямо в лицо, и он то чихал, то вытирал слезы. Но он сам себе пообещал, что никогда больше не будет сердиться на лютики. Милые, красивые полевые цветы — их извели в Рине потому, что они не приносили пользы. А вот горную ягоду, наоборот, полюбили, ведь она сулила выгоду. Наверное, долинный народ рассуждал так же, когда принес с собой с Горы семена этого чудовища.

«Все та же гордость, и промах тот же...»

Так вот в чем смысл этого стихотворения! Но одна строчка была по-прежнему непонятна. Роуэн подумал об этом, когда они оказались у тех деревьев, где ему встретилась

Шеба. Ее слова, словно колокол, звенели в ушах. Осталась одна тайна. Всего одна...

— Вон они! — яростно крикнула Зеел, указывая на буйную красную поросль, пробивавшуюся из-под деревьев.

Она подобрала ветку с сухими листьями и подожгла ее.

— Подожди, подожди! — крикнул Аллун, бросаясь к ней. — Там же люди. Сначала людей надо выгнать! Моя мать, Марли, Джиллер, Силач Джон... все там. Бежим! Бежим в деревню!

— Одну секунду! — крикнула в ответ Зеел и бросила горящую ветку в самую середину куста. — Сейчас эти уроды... Ой!

Этот возглас заставил их остановиться и обернуться. В первый момент пламя охватило все кусты. Но потом вдруг зашипело, погасло, и они увидели, как земля трескается, раскалывается и во все стороны летят пучки травы.

Из земли начали подниматься деревья — огромные, толстые черные стволы. Корни, точно гигантские змеи, поползли вперед, щелкая в воздухе, как хлысты, — к Зеел, к Роуэну, к любому живому существу, только бы скорее его проглотить.

— Бежим! Бежим! — услышал сам себя Роуэн и увидел, как Зеел устремилась прочь от деревьев, от этих отвратительных, догоняющих ее корней.

Добежав до него, бледная как полотно Зеел, запыхавшись, сказала:

— Это огонь. Как только загорелись кусты, из земли появились взрослые деревья. Они, похоже, рассердились. А какие они здоровые, Роуэн! Гораздо больше тех, что мы видели там, в роще Унрин.

— Здесь земля гораздо лучше, — хмуро заметил Огден.

Аллуна трясло.

— Мы с Марли ничего подобного на Горе не видели, — сказал он. — Совсем ничего. Где я собирал ягоды, росли какие-то хилые деревца, да...

Огден потер подбородок:

— На Горе земля каменистая и дует холодный ветер. Там эта мерзость и не может вымахать: кроме букашек да таракашек, ей жрать нечего. А вот здесь и в Золотой долине ее уже не остановишь.

Роуэн застыл на месте. Зря они понадеялись на огонь. А как еще можно спасти долину, он придумать не мог.

Аллун потянул его за руку.

— Надо спасать людей, — торопливо сказал он. — Сейчас мы только это еще можем. Надо спасать всех или... скольких сумеем. А не то... не то...

Дальше говорить он не мог.

Брови Огдена сошлись к переносице.

— Надо что-то придумать, — тихо сказал он. — Всегда можно что-то придумать. Земля мудрая. Она защитит то, что сама создала. Она знает меру.

— Но не в этом случае! — воскликнул Аллун. — Это же горная дрянь. Мне скажите спасибо, что она здесь! — В его глазах блеснули слезы. — Некогда мне вас ждать! — И Аллун сломя голову бросился в деревню.

За ним поспешили Зеел, Тор и Митрен.

— Гора — это тоже земля! — крикнул ему вслед Огден. — Обязательно что-нибудь сообразим.

Роуэн остался с Огденом.

— Ну-ка прочитай мне стихотворение еще раз, Роуэн, — велел Огден.

Зло притаилось под красой,
Жди — повернется колесо.
Все та же гордость, и промах тот же,
Доспех бесценный забыть негоже.

— Постой-ка! — поднял руку Огден. — «Доспех бесценный забыть негоже». Что бы это значило?

— Не знаю, — в отчаянии шепнул Роуэн. — Я как раз ломал над этим голову, да так ничего и не придумал. Ерунда какая-то. А ведь все остальные строчки в стихотворении что-то значат. Все!

— Ну и эта тоже, — сказал Огден. — Слушай-ка, Роуэн! Разгадка этой строчки, похоже, в тебе. Может, она и глубоко скрыта, но она есть. Ты ведь не такой, как все. Ты особенный. Тебя одного не одолела сонная одурь, и ты сумел спасти от нее Аллуна. Ты смог уцелеть в провале Унрин и не дал там погибнуть Зеел. Только ты сумел все это. Как так? Почему?

— Да не знаю я! Не знаю! — крикнул Роуэн и закрыл лицо руками. Снова вспомнились обидные крики Шебы: «Мальчишка-зайчишка! Слабак сопливый, собственной тени боишься! Матери помочь и то не в состоянии! И мне от тебя толку нет! И никому! Слабак сопливый... слабак сопливый...»

Он вздохнул и вспомнил, как, упираясь, тащил Аллуна наверх, на холм. Он вспомнил, как кусал и рвал руками омерзительные корни деревьев в провале Унрин. Он вспомнил то, что говорил Силач Джон. Вспомнил слова Зеел: «Хорошо еще, что эта зараза не вышла за пределы долины...» Вспомнил пустые глаза Шебы: «Дело надо доделать». Он резко повернулся к Огдену.

— Эти кусты никуда из долины не денутся! — крикнул мальчик. — У холмов есть грозное оружие. Золотое оружие. Бесценный доспех. Как у меня. Понял?

Огден молча смотрел на него.

— Зови всех! — крикнул Роуэн. — Я знаю, что нам нужно. Я знаю, где это найти. Оно уже готово. Оно нас ждет. Ну, Огден!

Огден не стал задавать лишних вопросов. Он поднес к губам камышовую дудочку и заиграл.

20. Конец и снова начало

Не дожидаясь его, Роуэн побежал вперед. «Сюда, сюда!» — кричал он на бегу. Он мчался самой короткой дорогой, прорываясь сквозь заросли кустов. Он бежал и все время кричал, чтобы все торопились за ним.

Десятки кустов горной ягоды высились над низкой дверью домика Шебы. Кусты были огромные. Они ждали. Мыши, ящерицы и птички уже лежали рядом с ними, готовые для трапезы. А в домике ненасытные чудища нашли бы добычу покрупнее.

Роуэн ворвался в дом Шебы. Она, как тряпичная кукла, лежала возле остывшего очага. Мальчик наклонился над огромным железным чаном, который висел над холодными углями. Он до краев был наполнен противным маслянистым варевом. Роуэн зачерпнул его ладонью и отпил глоток.

— Роуэн? Ты здесь? Роуэн!

Он подбежал и открыл дверь. За ней стояли Огден и предвестники.

— Смотрите! — крикнул Роуэн и плеснул из ладони прямо на кусты, что росли рядом.

Те затрепетали и покачнулись. Содрогнулась земля. Зеел, Тор и Митрен закричали от ужаса, потому что из-под кустов полезли все те же знакомые черные стволы.

Предвестники отшатнулись. Но Роуэн стоял и не двигался. Теперь он плеснул зелья из лютиков на стволы и вылезающие из земли поганые корни-змеи. Они тут же сморщились, скрутились и с ужасным треском начали разламываться на куски.

— Лютики, — выдохнул Роуэн. — Оружие — это лютики. Силач Джон рассказывал Аннад, что вместе с ними ничего не растет. Поэтому мы их и вывели отовсюду. Наверное, так же поступил и долинный народ. Чтобы можно было разбивать сады, строить дома, выкладывать дорожки из драгоценных камней. Вот у них и не оказалось оружия, когда к ним пришла горная ягода. Как сейчас у нас. — Он зачерпнул еще отвара. — Это делается из корней лютиков. Я все время его пил. Только я, больше никто. Во мне его знаете сколько? Мне никакое дерево теперь не страшно. Вот это и есть доспех! Это и есть доспех!

Предвестники вбежали в дом.

— В чане его полно, — торопливо проговорил Роуэн. — Шеба наварила. Она все знала. Она знала, что ей делать, только не знала зачем.

— Разлить по бутылкам, — скомандовал Огден. — Приготовить воздушных змеев. Сначала разбрызгаем над деревней, потом над окраинами. Только осторожно. Смотрите, попусту не тратьте. Роуэн, давай тащи чашки, кружки, что там еще! Пешком пойдем.

— У меня мама! — крикнул Роуэн. — И сестренка! Они в саду!

Сад уже захватили грязно-серые «змеи». Они ползали между деревьями, подбирались к Джиллер и Силачу Джону. Деревья двигались вперед, ломали заборы, стремились в дом, где лежали их новые жертвы.

Роуэн с криком носился по саду, лил повсюду драгоценную жидкость и с радостью видел, как чудища трескаются, сгибаются, а их корни безжизненно валяются на траву.

Огден ему не мешал и спокойно ходил туда-сюда, лил отвар из лейки и смотрел, как в небе над деревней парят воздушные змеи и предвестники делают то, что им было велено.

Он понимал, каково сейчас мальчику. Он знал не понаслышке, что это такое — защищать свой дом. Его-то домом была вся земля. В свое время и ему пришлось ее оборонять. «Но чтобы вот так... Такого врага еще не было, — подумал он и поправился: — Да нет, был. Давным-давно такой же враг спустился с Горы. И тогда ему удалось победить жителей Золотой долины».

— Но сейчас наша взяла, — сказал он вслух и наклонил лейку. Три капли упали на красивый душистый цветок — он сразу пожух. — Сейчас вас победил сопливый мальчишка.

Огден остановился. Мышка, которая спала рядом с его ногой, проснулась, села, пошевелила усами, точно чему-то удивилась, и побежала по своим мышиным делам. Он улыбнулся. В его голове уже крутилась новая сказка, которую он будет теперь рассказывать.

Языки пламени снова взметнулись вверх. Дети слушали, широко открыв глаза.

Смуглый Огден склонился над костром и, нахмурившись, продолжал:

— И вот Роуэн зачерпнул отвара из котла Шебы и побежал, издавая воинственные крики. Храбро кинулся он в самую гущу страшных деревьев, которые хлестали его своими корнями.

Джиллер сжала руку Роуэна. Силач Джон опустил свою ладонь ему на плечо. Аннад уселась поближе.

— Так все и было, Роуэн? — шепотом спросила сестренка.

Он пожал плечами. По правде говоря, не совсем так, конечно. Но ему не хотелось портить хорошую сказку. Ну не сейчас. Сейчас ему было хорошо. Спокойно. И очень-очень радостно.

Он приветливо улыбнулся Аллуну, который стоял рядом с Огденом и одной рукой обнимал Сару, другой — Марли. Он знал — никто не упрекнет Аллуна в том, что случилось. Виноваты были все, и все с этим согласились. Аллуна приветствовали как спасителя, ведь он вместе с Роуэном нашел бродников и вместе с ним сражался с врагами.

Роуэн улыбнулся и Зеел, а она улыбнулась ему, глядя на него сквозь пламя костра. Он

смотрел на горшечника Нила, Бри, Хану, Мейз и всех их детей. Он видел Бронден, Вэл и Эллиса, Тимона и Ланн. И всех остальных жителей Рина. Всех, кроме Шебы, которая назвала их дураками и, хромя, ушла к себе в дом.

Впереди их ждало нелегкое время. Предстояло много дел — надо было возместить тот урон, что нанесли деревне чудища Унрина. Пищи будет мало. Новый урожай еще должен вырасти. И все-таки люди радовались — ведь они остались живы.

Огден заговорил громче:

— И Роуэн плеснул на них отваром — и раз, и другой, и третий. Растения пищали, щелкали и трескались. — Тут он остановился, оглянулся и тихо продолжил: — Они умирали — рассыпались в пыль. Просто рассыпались в пыль, и все.

Повисла тишина.

— И в самой деревне, и вокруг нее Аллун и бродники все бились и бились, чтобы уничтожить поросль зла. И вот к закату они спасли деревню. Люди проснулись. Букшахи вернулись домой. И птички тоже, и телята, и все прочие создания, которых чуть было не сожрали ненасытные чудища Унрина. Долина снова ожила. Колесо остановилось. Старая сказка закончилась на новый лад. Круг разорвался.

И люди в Рине обрадовались, запели, засмеялись. Теперь они совсем не думали о выгоде. Ненадолго они стали совсем как бродники. Оказалось, это такое счастье — просто дышать и видеть над собой небо. А вечером, при полной луне, слушать новые сказки Огдена. А рассказывать их в разных землях он теперь будет еще очень долго.

Он откинулся назад:

— Сказка эта о храбрости и трусости, о правде и вымысле, о загадке и разгадке, о доверии и недоверии, о потерянном и найденном сокровище, о страшном враге, который не пришел издалека, а таился рядом с нами. А самое главное, — и тут он улыбнулся, — это сказка о мальчишке-зайчишке с сопливым носом и добрым сердцем, который отправился в путь, чтобы спасти свой дом, и не остановился, пока не сделал этого.

Люди по-доброму засмеялись и захлопали в ладоши. Эхо покатилося по долине, отозвалось на Горе и поплыло по холмам, по которым спокойно катились обратно в Рин повозки бродников.

А когда наконец стало тихо, Огден поднялся.

— Это не все, — сказал он.

Взяв у Зеел шелковую сумку, он обошел вокруг костра и приблизился к Роуэну.

— Твой народ в долгу перед тобой, — сказал он. — Но и мой тоже. Ты спас жизнь моей любимой приемной дочери Зеел, и за это ты теперь можешь позвать нас, и мы обязательно придем. Где бы мы ни были. В любое время. Это мы тебе твердо обещаем.

Он передал Роуэну камышовую дудочку.

Роуэн не знал, как и благодарить за такой подарок.

— И еще, — добавил Огден, опустив руку в сумку, — ты забыл кое-что у нас в лагере. Это мы тебе и возвращаем. Может, как раз сейчас оно в деревне пригодится.

В ладони Роуэна посыпались драгоценные камни, яркие, точно радуга. Люди восторженно заахали. Черные глаза Огдена сверкнули. Он снова засунул руку в сумку и достал оттуда золотую сову. Она была до блеска начищена, сияла как солнце, а в глазах ее светились изумруды.

— Хоть все можешь продать, только не ее, — сказал Огден. — Она старая, как я, очень ценная и знает много-много сказок. В знак нашей дружбы береги ее, пастушок Роуэн.

Другой такой больше нет. Мы не полезем больше в провал Унрин и не побеспокоим былую славу Золотой долины. Ее время кончилось. Только что настало время Рина. — В полной тишине он снова подошел к костру и сел. — Ну что? — спросил он, оглянувшись вокруг и хлопнул себя по коленям. — Кто-нибудь накормит ужином бесполезного лютика?

И не было в Рине ни одного человека, кто не поспешил бы откликнуться на его слова.

notes

Примечания

Перевод стихов А. Егорушкиной.